

Девушка
ИНДИГО

Наташа Бойд

*1739 год. Удивительная история
о любви, тайной и опасной дружбе,
стрельбических и жертвах, которые
приходится приносить на пути к цели.*

Наташа Бойд
Девушка индиго
Серия «Голоса времени»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67319840
Бойд, Наташа. Девушка индиго: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-139306-9

Аннотация

1739 год. Отец оставляет шестнадцатилетнюю Элизу Лукас за главную на трех плантациях семьи в Южной Каролине, а сам отправляется строить военную карьеру. Тем временем ситуация на плантациях накаляется, среди рабов начинаются волнения, и семья Элизы оказывается в шаге от того, чтобы потерять все.

Девушка узнает, сколько во Франции платят за краситель индиго. Она уверена, что это – ключ к спасению плантаций от разорения, но не встречает поддержки даже в собственной семье. Несмотря на это, Элиза решает действовать и заключает опасную по тем временам сделку с одним из рабов: если тот научит ее тысячелетнему секрету изготовления индиго, она взамен научит рабов читать.

Так начинается удивительная история о девочке, создавший краситель, который стал популярным во всем мире. Роман о любви, тайной и опасной дружбе, о стремлениях и жертвах, которые приходится приносить на пути к цели.

Книга, основанная на реальных событиях, в том числе на письмах самой Элизы!

Содержание

Пролог	6
1	8
2	22
3	36
4	49
5	64
6	74
7	83
8	96
9	102
10	112
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Наташа Бойд

Девушка индиго

Natasha Boyd
The Indigo Girl

© Natasha Boyd, 2017

© Павловская О.А, перевод, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

*Отрывки из писем Элизы Лукас-Пинкни
использованы автором с любезного разрешения
Исторического общества Южной Каролины.*

Посвящается Браиони

*Нам принадлежит лишь настоящее... и время
это столь быстро течет, что и не скажешь,
существуем ли мы.*

Элиза Лукас (1722–1793)

Пролог

Когда я устремляю мысленный взор назад, к своим битвам за индиго, они превращаются в моем сознании в сновидения. Память не сохранила ничего, кроме мимолетных впечатлений. Там лишь образ рук, тянувших меня в пучину, давивших на грудь, на сердце, не дававших всплыть. Образ рук, норовивших утопить меня в собственном творении, в моих честолюбивых замыслах.

И я тонула.

Погружалась в непроницаемо синюю бездну.

Индиго разбило мне сердце, но спасло жизнь.

Индиго текло по моим венам.

Синяя кровь пульсировала в моих детских сосудах.

Позднее, в зрелые годы, познав глубокую неизбывную любовь и гордость за рождение сыновей, которым суждено было стать создателями нового государства, я думала о тех временах своей жизни и благодарила Господа за индиго.

Как так случилось, что глубочайший синий цвет – цвет неба в предрассветные часы, когда день еще не упал тяжелым душным покровом на наши плечи; цвет, наводящий меня на мысли о куполе небесном и о тончайшем шелке, о королях и баснословных сокровищах, о непостижимой, загадочной древности, – как может этот цвет быть порождением несуразного запыленного кустика?

Помимо того, я не устану благодарить Господа за Эсси и Квоша, за Того и Сони. И особенно за Бена. За тех, кто в меня верил.

И за Чарльза, конечно же. Я всегда буду благодарна за Чарльза.

Еще я остаюсь признательна своему отцу за его выбор – за то, что он решился поручить шестнадцатилетней дочери управление семейными плантациями. С тех пор мы с ним так и не свиделись.

*Моему дорогому другу миссис Бодикотт, в Англию
Льщу себя надеждой, Вам приятно будет узнать,
что мне приглянулся сей отдаленный уголок мира, куда
привела меня судьба. С Англией ему не сравниться в
моих глазах, воистину так, однако же Каролина куда
предпочтительнее Вест-Индии.*

*Люди здесь благовоспитанные, и жизнь устроена во
многом на английский манер.*

Элиза Лукас

1

1739 год

Негры пели.

Отблески света плясали на чернильно-черных волнах океана, и я быстро заморгала, проснувшись.

Не было никакого океана.

Только бледно-синее сияние нарождавшегося дня растекалось по беленым стенам моей спальни.

Сон никак меня не отпускал. Все тот же, что снился мне с самого раннего детства. Порой он наводил страх, порой вызывал эйфорию.

Я вдохнула полной грудью воздух рассвета и подумала, что день, возможно, станет судьбоносным.

В пении отчетливо различался хоть и приглушенный расстоянием, но сильный голос Того – голос, глубина которого так не вязалась с невеликим ростом его обладателя. За несколько месяцев нашей жизни в Южной Каролине я успела заметить, что голоса других негров сплетаются в мелодии вокруг этого полнозвучного тенора, задающего тон. И еще я знала, что, если они поют, значит трудятся сообща над каким-то серьезным делом.

Урожай поспел. Негры пели, потому что приступили к сбору урожая.

Мне совсем не хотелось вставать навстречу душному влажному утру. Эта влажная духота с каждым днем становилась все гуще, вытягивала из меня все силы еще до того, как я успевала управиться с делами. Но я все же выпростала ноги из-под тонкого смятого одеяла и водрузила их поверх.

Эсмэ уже наполнила водой тазик и кувшин. Я сладко потянулась, освобождаясь от последних темных вязких локутьев сна, и теперь в душе осталось лишь смутное чувство ликования, будто порожденное неким неведомым свершением.

Я поплескалась немного в прохладной воде, освежившей бледную кожу – кисти, обветренные на свежем воздухе, у меня были чуть темнее, – и потянулась к маленькому оловянному колокольчику. Легкого позвякивания, такого тихого, чтобы не потревожить мою чувствительную маменьку или малышку Полли, было достаточно – Эсмэ явилась немедленно, как темный призрак, ибо обладала зрением и слухом, острыми, как у совы. Она проскользнула в спальню, неслышно ступая обернутыми тряпками ступнями по дощатому полу. Она была в простом холстяном платье; голову покрывал туго намотанный белый муслиновый платок.

– С добрым утром, Эсси. Я слышала пение. Сбор урожая начался? Давай-ка не будем мешкать.

– Да. Но большой Лукас хочет говорить с тобой.

Я нахмурилась. Отец никогда за мной не посылал – после прогулки по плантации я сама приходила в его рабочий кабинет каждое утро, чтобы помочь с корреспонденцией. Он на-

диктовывал ответы на деловые послания, меряя шагами кабинет – должно быть, это помогало ему подобрать правильные слова, когда суть вопроса требовала деликатной трактовки, – а я записывала. После этого мы отправлялись на обход наших небольших владений, и я обращала его внимание на все, что сумела заметить во время своей «инспекции» на заре. Порой мне выпадала оказия навеститься вместе с папенькой и кучером нашим, Квошем, на другие два земельных участка – потолковать с приказчиками.

Эсмэ расплела мои выющиеся волосы, расправила, встряхнула и прошлась по ним изящным костяным гребнем, а потом снова заплела в косу и уложила ее на затылке, закрепив шпильками. Она умела управляться так, чтобы не тратить на мой туалет времени больше, чем я сама считала нужным, – к досаде матушки, которая была убеждена, что я слишком мало внимания уделяю своему внешнему виду. Эсмэ – сокращенно Эсси, – приставленная ко мне с моих детских лет на Антигуа, знала, что я, в отличие от матушки, равнодушна к нарядам и не готова вертеться подолгу перед зеркалом. Впрочем, моя совсем еще девичья фигурка и не требовала слишком много ухищрений для сокрытия или же подчеркивания форм.

Эсси и две другие негритянки, Мэри-Энн и Нэнни, отвечавшие за порядок в господском доме еще до того, как мы поселились в нем, переехав на материк, – обеспечивали спокойное и уютное течение жизни в поместье. Это представля-

лось тем более важным, что маменька была не в состоянии полноценно выполнять обязанности хозяйки, а меня слишком занимали папенькины повседневные деловые заботы, в которые я увлеченно совала нос. Управление плантацией казалось мне захватывающим делом, к тому же тут нашлось применение моим познаниям в ботанике и садоводстве, приобретенным еще в детстве на Антигуа, – они оказывались весьма кстати всякий раз, когда речь заходила о выращивании зерновых культур.

Я торопливо полила рассаду на подоконнике – росточки вечнозеленых дубов, подарок от нашего ближайшего соседа, ботаника-любителя мистера Дево, – а затем поспешила на первый этаж.

– Элиза! – грянул голос моего отца, когда я подходила к открытой двери его кабинета.

Отец расхаживал перед простым походным столом – всегда его предпочитал полированному бюро красного дерева, которое мы приобрели, высадившись в Чарльз-Тауне¹. Он был полностью одет для прогулки. Каштановые волосы, сидящие на висках, были навощены, но растрепались; над бровями пролегла незнакомая мне тревожная складка.

– Папенька... – начала я и быстро поправилась: – Полковник... сэр.

¹ Чарльз-Таун – изначальное название современного города Чарлстона в американском штате Южная Каролина; основан англичанами в 1670 г. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

Недавно я немало его позабавила, объявив, что уже слишком взрослая, чтобы обращаться к нему так же, как моя младшая сестрица Полли. Однако почин мой, судя по всему, он одобрил. Его манера общаться со мной действительно немного изменилась, сделалась более похожей на компанейскую, даже дружескую, чем на ту, что свойственна главам семейств по отношению к своим отпрыскам. И я дорожила этим новым проявлением уважения с его стороны, не позволяя себе переходить границы. Отец был честным человеком и старался держать обещания, а потому мы, дети, рано уяснили, что ни при каких обстоятельствах не стоит испытывать его терпение.

– Вы уже позавтракали? – спросила я.

Он рассеянно кивнул:

– Да-да... Вчера по пути в город я встретил нарочного, скакавшего к нам. Он вручил мне повестку.

Я сглотнула:

– Повестку?

– Я должен вернуться на Антигуа.

– Неужто пора?

– Боюсь, что так. К концу месяца мне надо быть там. Я надеялся провести здесь побольше времени, пока вы не обустроитесь на новом месте и пока не станет ясно, что твоя матушка идет на поправку. Однако теперь я опасаюсь, как бы ей не стало хуже.

Я закусила губу. В действительности морские ветра гро-

зили усугубить маменькины мигрени и уныние. В этом отношении мы с ней были полными противоположностями. Я всегда недоумевала, отчего это мой деятельный, бурлящий жизнью отец счел разумным заключить брак с такой особой. Впрочем, нельзя не признать, что она была красавицей, но папенька ведь ценил в людях иные качества – он сам не раз мне в том признавался, и не без пылкости, особенно перед тем, как они с маменькой отправили меня учиться в Англию. Тогда я провела некоторое время в разлуке с ними, и единственными моими близкими людьми были наши друзья Бодикотты *in loco parentis*². Мои младшие братья Джордж и Томми жили с ними с тех пор, как настала пора отдать их в школу.

– И что же будет с местными плантациями, когда мы вернемся на Антигуа? – спросила я. – Вы доверите вести дела приказчикам?

Папенька развернулся, чтобы взглянуть на меня. Одной рукой он потирал подбородок, другой рассеянно поигрывал завязками на воротничке и несколько мгновений смотрел на меня так пристально, будто я была тайной обладательницей ответа на некую загадку мироздания. Затем он протяжно вздохнул и развел руками:

– Своим вопросом, Элиза, ты только что помогла мне при-

² Заменявшие родителей (*lam*). Юридический термин, обозначающий лиц, которые выполняют по доверенности определенные обязанности родителей по отношению к чужим детям.

нять чрезвычайно важное решение.

Ему не потребовалось объяснять мне, что в решении этом он рассчитывал утвердиться окончательно и бесповоротно еще до того, как матушка встанет с постели.

Мысль о том, чтобы вернуться на остров Антигуа, тонущий в изумрудной листве, окруженный прозрачно-голубым морем, и освежить воспоминания о моем друге детства, чернокожем Бенуа, мне вовсе не претила. Познания Бена о растениях разожгли во мне страсть к ботанике. Я скучала по нему, мне часто его не хватало, пока я обвыкалась с жизнью на новой плантации и тщила узнать получше неведомые земли.

В этом смысле возвращение на Антигуа или даже в Англию было довольно заманчивым, а вот свадьба с каким-нибудь добропорядочным молодым лейтенантом из старинного британского рода во исполнение ожиданий со стороны общества меня отнюдь не прельщала. Но именно такая судьба и была мне уготована по приезду на упомянутые территории.

Я внимательно взгляделась в отцовские глаза, а затем обратила внимание на его одежду и на беспорядок, царивший на рабочем столе.

– Неужто вы не спали всю ночь, сэр?

– Не было времени. – Он торопливо шагнул к выходу. – Идем, Бетси... – Закашлялся и поправился, качнув головой: – Элиза. – Отец знал, что мне не терпится избавиться от детского уменьшительного имени. – Идем, тебе нужно позав-

тракать, а потом нам предстоит съездить на плантации Гарден-Хилл и Уаккамо, потолковать с приказчиками.

– Стало быть, я еду с вами? – Негоже было проявлять личование по поводу того, что меня допустили до «мужских дел», поэтому я постаралась говорить сдержанно.

Далее я последовала за отцом в обеденный зал, где выбрала себе на завтрак из расставленных на буфете блюд вареное яйцо и немного холодной копченой рыбы.

Отец отодвинул для меня стул и сам уселся во главе стола.

– Скажи-ка, Элиза, тебе ведь здесь нравится? Мы, конечно, надеялись, что климат в колониях на континенте будет более умеренным, чем на островах, и благоприятным для твоей матери. Что ж, увы... – Он грустно улыбнулся. – Не слишком-то здешняя погода ей помогла.

– А мне здесь очень нравится, – ответила я надлежащим образом, гадая, что же еще он собирается мне сказать, и добавила на всякий случай: – Люди в городе весьма приятные.

На самом деле больше всего удовольствия мне приносили прогулки с папенькой по нашим землям и его размышления вслух о плантации, о том, какой она может стать в будущем. Медленно, но верно новый мир с его напоенными влагой призрачными мхами и солоноватыми топями, где под гладью стоячих вод таились небывалые чудища, наблюдавшие за нами, проникал в мои сны, и его таинственный, сверхъестественный дух просачивался в мое сердце.

На островах Вест-Индии наши владения были невелики

и почти полностью засажены сахарным тростником – каждый клочок земли там служил насущным нуждам. Здесь же, в континентальных колониях, я, как и папенька, видела куда больше возможностей. Местная земля хорошо плодоносила, и я уже представляла себе, как буду выращивать на ней все, что заблагорассудится – дыни, апельсины, маниоку, кунжут...

Плодородные наделы на берегах залива Уаппу-Крик, всего в шести милях по воде от Чарльз-Тауна на полуострове, папенька унаследовал от своего отца. К собственности прилагались небольшая группа рабов и не такая уж малая задача осиять фамильное имя не только воинской славой, которую мог снискать папенька на королевской службе. «Эту оказию никак нельзя было упустить», – любил он повторять. Мой отец также незамедлительно приобрел еще два крупных участка подальше от залива, где уже было налажено производство древесины и риса на экспорт.

– Элиза, чтобы обеспечить себе продвижение по службе, мне пришлось заложить земли на Антигуа и частично здесь, в Каролине. У меня нет ни малейшего желания возвращаться на остров, но угроза со стороны Испании всё крепнет, а пребывая здесь, военной карьеры мне не сделать.

Я торопливо проглотила кусок бледного желтка, лихорадочно обдумывая то, что сказал отец. Мы знали, что Вест-Индия стратегически важна в противостоянии с Испанией, но раньше мне не приходило в голову, что отец мог обреме-

нить еще большими долгами наши владения ради своего высокого положения в армии. И хотя я была уверена – он знает, что делает, тем не менее меня охватила паника.

– Сейчас важнее, чем когда-либо, чтобы эта земля начала приносить доход. – Его голос сделался тихим, доверительным. Он делился со мной секретами, для которых я была еще слишком мала. – Мы переехали сюда отнюдь не только ради поправки здоровья твоей матушки, хотя, я полагаю, нас обоих порадовал бы такой... побочный бенефит.

Я едва не подавилась яйцом, вытерла проступившие на глазах слезы и глотнула чаю, чтобы прочистить горло.

– Ты побудила меня задаться вопросом, доверяю ли я своим приказчикам, – продолжал отец. – Ответ – да, разумеется. Однако если тебя интересует, могу ли я положиться на них в деле извещения о каждом решении касательно наших земель, посевов и урожаев, тогда ответ – определенно нет. Ибо у нас с ними разные цели. Цель приказчика – быть хорошим наемным работником. Каждый из них надеется, – он усмехнулся, – честно отработать свое жалованье. Но для меня, для твоего отца, конечная цель заключается в том, чтобы обеспечить процветание будущим поколениям нашего рода и способствовать обогащению королевской казны. Мы строим здесь новый мир, Элиза. Нам выпала удивительная и неповторимая возможность стать одними из первых, кто совершит в Каролине нечто поистине великое.

Меня невероятно вдохновляла его пылкая решимость по-

святить себя служению королю, отечеству и далеким потомкам, но ему надо было еще позаботиться о благополучии моих братьев и Полли.

– Однако, сэр...

– Позволь мне закончить, Элиза. Знаю, это сложно понять, ведь тебе еще нет и семнадцати, но я тщусь объяснить тебе, как важно стремиться к чему-то большему, нежели личное благо. Надобно трудиться ради более высокой цели – будь то служение Господу, родине или же людям.

– Да, отец.

– Тебе уже приходилось брать на себя заботы о домашнем хозяйстве, подменяя твою матушку. Я позаботился о том, чтобы ты приобрела в учении определенные знания и навыки, ибо предвидел, что обстоятельства могут сложиться особым образом. И теперь это произошло.

По моей спине пробежал бодрящий холодок.

– Через несколько лет, – продолжал отец, – твой брат Джордж будет достаточно взрослым, он сможет вернуться из Англии и взять на себя управление делами здесь. Пока же, в его отсутствие, Элиза, мне нужно, чтобы ты замещала меня во всех вопросах, касающихся этих земельных владений. Ты останешься в Южной Каролине с матерью и Полли и возьмишь на себя все мои дела.

У меня перехватило дыхание. На этот раз скрыть, как ошеломили меня его слова, не удалось. Я застыла, словно проглотила кол; моя рука замерла на полпути к чашке.

А отец всё говорил:

– Ты и так уже занимаешься моей корреспонденцией. Нынешние перемены будут означать лишь то, что некоторые решения придется откладывать на более долгий срок, поскольку сообщение между нами займет время – тебе надобно будет отправить мне письмо и дожидаться ответа. Я, разумеется, понимаю, что по некоторым делам решения потребуются безотлагательные – в таких случаях ты сможешь посоветоваться с двумя приказчиками, к тому же я попрошу наших добрых друзей Чарльза Пинкни и его супругу приглядывать за тобой и тоже помогать советом, коли возникнет нужда.

«Стало быть, это я буду управлять его плантациями?» – мелькнуло у меня в голове, а губы не сразу выговорили:

– Сэр... – На том я и замолчала, не сумев более ничего добавить.

Отец вскинул бровь:

– И что же? У тебя найдется что сказать так, чтобы получилось законченное предложение?

На мгновение я почувствовала, что вот-вот упаду под грузом ответственности, возложенной на мои плечи отцом – теперь именно от меня зависело, обеспечат ли земельные владения благосостояние нашей семье, а мне – приданое к свадьбе, о которой я, что ни для кого не было секретом, отнюдь не мечтала, или же повергнут всех нас в нищету. Только от меня. Я не знала, надолго ли покинет нас отец.

В Англии мысль о том, что он может поручить шестна-

дцатилетней дочери управление огромным поместьем, кому угодно показалась бы абсурдной. Кто же станет подчиняться моим распоряжениям? Честно скажу, даже когда я мысленно попыталась сочинить письмо для моей дорогой подруги и в прошлом попечительницы, миссис Бодикотт, с рассказом о неожиданном повороте событий, мне и самой вдруг почудилось, будто это не что иное, как сущая нелепица, плод моих собственных фантазий, воплощение желания стать значимым человеком, а не просто «движимым имуществом», которое всецело принадлежит сейчас отцу, а впоследствии будет принадлежать мужу. Но мы были не в Англии. И что-то в этих краях, где мы обустроились и обжились, среди людей, которые пытались создать новый мир из того, что было им даровано самой землей, подсказывало мне: нет ничего невозможного. Быть может, дело было в моем раннем созревании, а может, в склонности к честолюбивым мечтаниям и в стремлении впечатлить отца знаниями, которые по его воле я усвоила в школе, но так или иначе я почувствовала решимость и, убрав руку со стола, подсунула ладонь под бедро, чтобы унять в ней дрожь.

– Ну-с? – снова поторопил меня отец.

Я вскинула подбородок:

– Вы дали мне образование, и я сумею распорядиться этим даром наилучшим образом. Только вот...

– Что же?

– Только вот мы будем по вам скучать.

Вот и все, что мне удалось тогда вымолвить.

Моему дорогому другу, миссис Бодикотт

Папенька и маменька благосклонно предложили мне выбрать место нашего пребывания – в городе или в поместном особняке. Я полагаю, что разумнее, а в равной степени и приятнее для маменьки и для меня самой жить в отсутствие папеньки за городом. Мы в семнадцати милях по суше и в шести по воде от Чарльз-Тауна, и в соседях у нас шесть милейших семейств, с коими мы пребываем в полнейшем взаимном согласии.

Элиза Лукас

2

Не верилось, что всего несколько дней назад папенька сообщил мне о своем решении. Все случилось так быстро... Мы незамедлительно отправились на нашу плантацию Гарден-Хилл, находившуюся выше по течению Комби-Ривер. Отправились вместе с Квошем – кучером, лодочником, плотником и папиным «своим человеком из местных».

Мы отплыли на юг по Санти-Ривер, преодолели коварные проливы Порт-Рояля и Святой Елены, а дальше наш путь лежал по Комби. Постепенно внешние отмели пропадали из виду; воды реки, по мере продвижения в глубь континента, становились темнее и безмятежнее, отблескивали маслянисто, а деревья теснее обступали берега.

Со дня приезда в Южную Каролину мне не часто приходилось путешествовать по воде, но всякий раз плавание меня ужасно нервировало. Качание лодки вызывало тошноту, океанские проливы кишели акулами, под речной гладью таились крокодилы, и к тому часу, как мы добрались до места назначения, я была измучена донельзя. У мистера Мурри, нашего приказчика в Гарден-Хилл, мы поинтересовались, сколько в этом году он рассчитывает произвести на продажу риса и других ходовых товаров.

Отец при том ни слова не сказал мистеру Мурри и его жене о своем скором отъезде, лишь обмолвился, что, дескать,

если он будет в отлучке, пусть передают ему новости через меня. Впрочем, он и маменьке ведь на тот момент пока еще ничего не сказал. Мистер и миссис Мурри этим его словам особого значения явно не придали – отлучки хозяев здесь были в порядке вещей.

Квош, между тем, тихонько стоял рядом и напряженно слушал. Я почти физически ощущала, как ему хочется задать вопрос, но он смолчал, лишь поглядывал на отца. Глаза Кво-ша, в самом начале, когда мы впервые ступили на берег Уаппу-Крик, смотревшие недоверчиво и подозрительно, теперь выражали только бдительность и внимание.

На обратном пути отец казался довольным.

– Хороший человек этот Мурри, – сказал он, когда мы бесшумно и справно скользили вниз по течению на лодке, возвращаясь домой. – Можешь на него положиться.

Отец сообщил новость моей матери на следующее утро после нашей с ним поездки в Гарден-Хилл.

Анна Лукас повалилась со стула, выронив столовые приборы – серебро зазвенело на натертых воском досках пола. Эсси, сорвавшись с привычного места у стены, бросилась ловить хозяйку, папенька вскочил на ноги, а я привстала. Полли, в кои-то веки перестав щебетать, замерла, восторженно

наблюдая за этой сценой и не забывая закидывать в рот кусочки хлеба с повидлом.

– Ох, Джордж... – услышала я маменькин вздох, когда папенька препровождал ее от стола к лестнице.

– Полли, – обратилась я к сестре, когда стало ясно, что отец вернется не скоро, – если ты закончила с бутербродами, иди к себе и жди меня там. Я приду, и начнем сегодняшние уроки. Мы с тобой успеем позаниматься французским, перед тем как мне надо будет помочь папеньке.

Полли хлопнула салфеткой по столу, тряхнув кудряшками, – видимо, прониклась напряженной атмосферой этого утра.

– Гадость эти твои уроки и правила! – выпалила она. – Я хочу играть!

Мне понадобилось призвать на помощь все свое самообладание – и я его призвала, пока сердце гулко колотилось под тугим корсетом.

– Сейчас мы займемся уроками, – проговорила я, ровняя голос. – А потом ты можешь помочь Эсси с ее домашними делами. Не знаю, что там у нее намечено, но кажется, сегодня надо будет удалить сердцевинки из яблок для пирога, которые мы получили от Вудвордов. – С этими словами я встала и покинула столовую прежде, чем Полли успела возразить. Втянуть кого-нибудь в бессмысленный спор – безотказное оружие ребенка, и Полли владела им в совершенстве.

Я собиралась выйти на веранду, но передумала – во вне-

запном порыве последовала за родителями, поднялась почти до конца лестницы, села там на ступеньку и, расправив юбку, обхватила руками колени.

– Вы требуете от нас невозможного, это какое-то безумие! – Пронзительный голос матери вырвался на лестничную площадку надо мной. Если она и собиралась поговорить с отцом спокойно, самообладание очень быстро ей изменило – нервы у маменьки были взвинчены.

– Этого требуют обстоятельства, – терпеливо заметил отец.

– Этого требует ваше честолюбие, вы хотите сказать? А если вы не сумеете преуспеть, чем это для нас обернется? Что будет с вашими дочерьми? Вы играете будущим нашей семьи. Элиза почти достигла брачного возраста!

Я затаила дыхание.

– Неужто вы в меня не верите, мадам? – удрученно спросил отец. – К тому же Элиза пока не хочет замуж.

Я медленно выдохнула, но напряжение в сомкнутых руках не исчезло.

Матушка издала неразборчивое восклицание, и отец продолжил:

– Если вас это утешит, я постараюсь направить к ней достойных женихов.

Тут уж я напряглась всем телом и наострила уши, чтобы не упустить ни слова из разговора.

– Посмотрим, как вам это удастся. – Теперь маменька го-

ворила решительно, в ее голосе даже чудилось грозное шипение рыси. – Мы ведь останемся здесь одни. Что скажут люди?

– Это не Англия, мадам. И выходя за меня замуж, вы знали, что вам уготовано. Это совсем другой мир, Новый Свет. Здесь все будет иначе, если мы преуспеем.

– Новый Свет не дает вам права ставить на кон благополучие семьи ради своих политических амбиций!

– Анна... – взмолился отец.

– И в равной степени он не дает вам права оставлять свою шестнадцатилетнюю дочь управляться вместо вас с делами. Это небезопасно, в конце концов! Бессердечный вы эгоист!

Я услышала глубокий вздох отца:

– Как бы то ни было, Элиза очень способная девочка. И в конце года ей сравняется семнадцать. Джордж в этом возрасте уже будет достаточно зрелым, чтобы сражаться за отечество. А у нашей Элизы здравого смысла больше, чем у многих юнцов, встречавшихся мне на королевской службе. Что же касается вашего упрека в эгоизме, позвольте напомнить, что сюда мы переехали ради вас одной.

Маменька гневно засопела, но папенька продолжал:

– Никому из нас не хотелось покинуть Вест-Индию, однако я тогда ошибочно рассудил, что климат Каролины пойдет вам на пользу. Я заблуждался, но действовал с благими намерениями.

– Но я не понимаю, отчего мы должны остаться, когда са-

ми вы возвращаетесь в Вест-Индию! – простонала матушка. – Ведь с вами нам будет безопаснее, чем в этих диких краях. Только на прошлой неделе, когда мы ездили к Пинкни на плантацию Бельмонт, я встретила миссис Клеланд и узнала от нее, что в окрестностях Гуз-Крик какой-то дикий зверь погубил еще одну невинную душу. Что за зверь, неизвестно – рысь, а может, медведь. И это уж я не говорю об индейцах, которые вечно дерутся друг с другом, и обо всех этих слухах, что рабы, мол, только и думают, как бы восстать и перерезать нас во сне. Право слово, я бы предпочла иметь дело с испанцами. – Под конец маменька драматически понизила голос, и я представила себе, как она брезгливо поеживается – маменька всегда так делала, говоря о чем-нибудь неприятном.

– Анна, я не смогу продвинуться по службе, пребывая здесь, а если эта земля не будет приносить доход, о карьере мне тоже можно забыть. Подумайте о высшей цели. Я *должен* принять новое назначение ради нашего общего блага. А Элиза *должна* остаться здесь и вести дела вместо меня. Иного пути нет.

Послышалась какое-то движение. Я знала, что спор еще не закончен, но вдруг мне в голову пришло, что я уже слишком долго подслушиваю разговор, не предназначенный для моих ушей, и неважно, что, помимо прочего, речь в нем шла и обо мне. Не хватало еще, чтобы Полли выскочила из столовой и застала меня на месте преступления.

Сердце мое переполняла радость пополам с грустью. Я не

могла не радоваться тому, что отец поверил в меня с такой готовностью и что мне будут поручены столь важные обязанности. А грустила я оттого, что не обрела поддержки со стороны матери и прекрасно понимала: отец принял свое решение, поскольку у него не было выбора. Выбрал бы он меня, будь мы с Джорджем ровесниками?..

Поспешно встав, я разгладила складки на льняной юбке, бесшумно спустилась по ступенькам и отправилась на веранду дожидаться отца.

Ослепительный солнечный свет просачивался крупными каплями сквозь живой, колышущийся, кружевной покров, в который сплетались кроны вечнозеленых дубов – невероятно красивых деревьев, сильных и могучих.

Вдали я видела, как наши люди трудятся на полях риса и люцерны – склоняются над посевами, распрямляются, бредут дальше под палящим солнцем. А за ними искрился, играя в прятки с густой прибрежной травой-спартиной, Уап-пу-Крик. Было время прилива.

Поворот головы на три четверти – и моему взору открылась повозка, громыхавшая колесами на подъездной дороге. Она приближалась к нашему дому, и на облучке я различила высокую гибкую фигуру нашего возницы, Квоша. Он опять

приехал за нами. На сей раз нам предстоял визит на плантацию в окрестностях Джорджтауна, у берегов Уаккамо-Ривер.

Слабый ветерок остудил мои щеки, еще пылавшие после огорчительной перепалки с Полли и подслушанного разговора родителей. Из нас, четверых детей семьи Лукас, Полли больше всех нуждалась в твердой материнской руке и, к сожалению, была единственной, кто пока обходился без нее. Джордж и Томми, по крайней мере, учились в школе в Англии, а миссис Бодикотт, наша попечительница, была доброй и справедливой, но очень строгой.

Я еще раз глубоко вдохнула влажный соленый воздух и тут услышала шаги отца, который шел ко мне по веранде.

– А, ты здесь, Элиза.

– Как маменька? – поинтересовалась я, не отрывая глаз от простиравшегося передо мной пейзажа.

– Хорошо. С ней все будет в порядке. Я пообещал ей, что попрошу супругов Пинкни позаботиться о том, чтобы ваша светская жизнь продолжалась в мое отсутствие. Судя по всему, это беспокоит ее куда больше, чем мой отъезд как таковой.

– Вне всякого сомнения.

Маменька не упускала случая напомнить, что мне надлежит общаться с людьми моего возраста. Я же предпочитала тихую жизнь за городом, пусть даже порой мне здесь становилось одиноко.

– Сэр...

– Я заверил ее, что тоже думаю о твоём будущем. Сейчас ты слишком юна, Элиза, но через несколько лет, когда твой брат вернется из Англии, чтобы представлять мои деловые интересы здесь, на плантациях, тебе придется выйти замуж. И осталась всего пара лет, чтобы найти подходящего жениха.

Страх комом встал у меня в горле. Мне претила сама мысль о том, что мое скорое замужество предрешено, и становилось дурно от того, что кто-то получит право прикасаться ко мне и требовать от меня определенных поступков. Да к тому же после свадьбы я, скорее всего, буду вынуждена отказать от дальнейших штудий и уж точно от участия в делах отца.

– И как же найти подходящего, папенька? Я не желаю проводить дни в праздности, пока муж решает мою судьбу и занимается важными делами.

– Если бы ты была моим сыном... Но ты моя дочь. И возможно, однажды твоё отношение к замужеству изменится, Элиза. Когда у тебя появятся надлежащие друзья, ты, может статься, начнешь находить усладу в занятиях, подобающих юным девицам. Я слышал, у мистера и миссис Пинкни есть племянница, мисс Бартлетт, и скоро она приедет к ним погостить. Надеюсь, вы, две юные леди, найдете приятным общество друг друга и через несколько лет обе привлечете внимание каких-нибудь достойных молодых людей из городских семейств.

– Нет, – твердо заявила я. – Да и какой мужчина согла-

сится потакать моим устремлениям, простирающимся далеко за пределы интересов обычных леди? Матушка любит повторять, что ни один муж не потерпит жену, которая заставит его чувствовать себя простаком и невеждой. А я не имею ни малейшей склонности к японской лакировке и не смогу днями напролет распивать чай, слушая тягомотные сплетни!

Я закончила эту пылкую тираду и увидела перед собой озадаченное лицо отца. Он ведь не знал, что я подслушала их с маменькой разговор и от того пребывала в расстроенных чувствах. Эмоции надо мной возобладали.

– Простите, папенька... – пролепетала я.

Но как можно было объяснить свою несдержанность, не огорчив его при этом и не заставив пожалеть о решении доверить мне управление делами в поместье? А между тем, у меня уже были большие планы на наш скромный надел земли на берегах Уаппу-Крик. Недавно приобретенную землю в Уаккамо мы уже засеяли рисом и могли вести торговлю с Вест-Индией, обменивая древесину на тростниковый сахар. Еще я подумала о своих садоводческих опытах на подоконнике в спальне и о милейшем пожилom джентльмене с соседней плантации. Мистер Дево разделял мою любовь к ботанике, и я не могла дожидаться, когда наконец буду предоставлена самой себе, чтобы обсудить с ним, что еще можно вырастить на наших землях. Вот уж папенька удивится результату моих стараний...

– Ради бога, Элиза, что такое «японская лакировка»? –

наконец произнес отец.

Его вопрос вернул меня к действительности, застав врасплох, и я рассмеялась:

– Это нелепое времяпрепровождение, вошедшее в моду у здешних городских леди. Не удивлюсь, если маменька уже заказала все необходимые инструменты и материалы. – Я со вздохом закатила глаза. – Цель – покрыть предметы мебели толстым слоем черного лака, чтобы они выглядели... – Я замолчала, заметив странное выражение в глазах отца.

– Выглядели по-японски? – докончил он за меня, вскинув кустистую бровь.

Я хихикнула:

– Именно.

– Что ж, – задумчиво кивнул отец, – теперь я понимаю, что времяпрепровождение и правда может быть нелепым. Возможно ли, что по возвращении из Вест-Индии я обнаружу все свое недвижимое имущество под толстым слоем лака?

– О да. Всё, кроме столовых приборов, – прыснула я, и он тоже рассмеялся.

– Да уж, надеюсь, хоть серебро не пострадает. Итак, Элиза. Я не сомневаюсь, что у тебя на уме что-то есть. Можешь не отпираться, тебя ведь ужасно вдохновляет перспектива остаться здесь полновластной хозяйкой и принимать единоличные решения. Ну, что за козыри у тебя в рукаве?

Ох, отец слишком хорошо меня знал...

– У меня на уме только вопросы, сэр. Давайте отправимся

в Уаккамо, и всю дорогу я буду вас доносить.

– Уж это ты умеешь, Элиза, – снова рассмеялся он, и его карие глаза сощурились, искрясь весельем и глубочайшей приязнью. – Это ты умеешь!

Послеполуденное путешествие в повозке до переправы у церкви прихода Святого Андрея далось нам нелегко – солнце беспощадно палило, неустанно атакуя нас знойными лучами.

– Полковник Лукас, сэръ...

Отец, глубоко погруженный в раздумья и устроившийся в этот раз со мной на сиденье, а не как обычно – на облучке с Квошем, – поднял глаза. Я знала, что ему не дают покоя мысли о скором отбытии в Вест-Индию.

– Неужели обстановка и правда настолько напряженная, что может начаться война с испанцами? – осведомилась я, вспоминая его разговор с маменькой. – Безопасно ли нам оставаться в Каролине? А вы? Вы тоже будете в безопасности?

– Вам определенно будет безопаснее здесь, нежели со мной на Антигуа. Если испанцы одержат над нами верх и разобьют Оглторпа³ в устье Саванны, вам надлежит обра-

³ Джеймс Эдвард Оглторп (1696–1785) – английский генерал, член парламента

титься за советом к Чарльзу Пинкни. Он будет в курсе всех событий и подскажет, можно ли вам остаться на месте.

– А прочие опасности, папенька? Мне не хотелось об этом заговаривать, но все же три особы женского пола будут жить в поместье одни-одинешеньки... Не то чтобы мы не сумели справиться... но не можем же мы обращаться к мистеру Пинкни по каждому поводу.

– Я уже говорил, для Англии такое положение вещей – дело неслыханное. Однако здесь, похоже, женщины более самостоятельны. Что же в этом дурного, Элиза? А Пинкни и его супруга – наши добрые друзья, в том числе для тебя и для твоей матушки. К тому же не кто иной как Пинкни подсказал мне идею назначить тебя моей заместительницей и поручить вести все дела касательно плантаций, вместо того чтобы нанять управляющего. Пинкни считает, что ты справишься.

Я оторвала наконец взгляд от дороги и воззрилась на отца, гадая, не обманывает ли он меня.

– Это правда, – кивнул он. – И я, разумеется, еще до разговора с ним не сомневался в твоих способностях.

– Я точно знаю, что справлюсь, папенька.

– Тебе придется. Я не смогу выполнить свой долг и продвинуться по службе, находясь здесь. А если учесть, что такой уважаемый человек, как Чарльз Пинкни, не только не возражает, но даже одобряет тебя в роли хозяйки плантаций, я могу быть уверен, что здесь у тебя будет надежный и вер-

ный союзник.

Мистер Пинкни, джентльмен с чудесными добрыми глазами и веселым нравом, был ровесником моего отца. Многие считали его красавцем, но я больше всего ценила этого человека за его остроумные комментарии по поводу насущных вопросов современности. Маменьку ироничные реплики мистера Пинкни раздражали, и оттого они оказались мне еще смешнее.

3

Мне пришлось закрыть рот и нос шелковой лентой от шляпы, когда мы шагали вдоль сараев, – до того был крепок запах дегтя. Я внимательно слушала разговор отца со Старратом – приказчиком на плантации Уаккамо. Они обсуждали урожай. Воздух был знойный и влажный, немилосердное солнце обхватывало меня жаркими лучами и крепко сжимало объятия. Исподнее насквозь пропиталось потом.

Старрат мне не нравился. Совсем не нравился.

Одного взгляда на позорный столб, сразу попавшийся мне на глаза еще во время нашего первого визита на участок, хватило, чтобы настроить меня против этого человека. Отец однажды уже просил его убрать столб, но просьба была проигнорирована. Сейчас со столба свисала длинная веревка, один конец ее был закреплен, другой валялся в грязи. От пятен крови на земле и запаха мочи мне сделалось дурно, хотя это был не первый столб для телесных наказаний, виденный мною. И разумеется, я видела на нем людей – несчастные полустояли-полувисели, пока их били кнутом за какой-нибудь незначительный проступок, и по темной коже ярко-алыми ручейками бежала кровь – того же цвета, что и у меня.

Я поехала. Видела, да, но только не на землях, принадлежавших нашей семье.

Надо будет еще раз поговорить об этом с отцом, реши-

ла я. Возможно, предыдущий владелец плантации установил здесь суровые правила, но это не означает, что все должно оставаться так и при нас.

Старрат был дородным мужчиной с бесцеремонными манерами, и пахло от него неприятно – казалось, перегар крепче, чем от эля, сочился изо всех пор. На щеках у приказчика топорщилась многодневная щетина, свидетельствовавшая скорее о лени, чем о желании отпустить бороду, ибо в эту пору, поздним летом, для бороды погода была слишком жаркой.

Вокруг хижин рабов бегали дети, и, на мой взгляд, среди них было слишком много маленьких мулатов.

Я заметила, что Квош тоже посматривает в их сторону. Кожа у этих малышей была того же оттенка, что и у него. Мать Квоша, Бетти, жила на плантации Уаппу – женщина неопределенного возраста с невероятно сильными руками. Благодаря этой невиданной силе она выполняла работу, которая обычно отводилась неграм-мужчинам, – рвала голыми ладонями прибрежную траву, ухитряясь при этом не порезаться, и плела из нее корзины, такие прочные и тугие, что в них можно было бы и воду носить при необходимости. Руки ее были черными, как деготь в бочках, которые мы только что осматривали. Некогда какой-нибудь приказчик или другой белый человек зачал с Бетти ребенка – так и появился Квош, наш преданный возница.

Я задумалась, знает ли Квош своего отца или хотя бы же-

дает ли его найти, и мне сделалось совестно от того, что никогда раньше эта мысль меня не посещала. Квоша мы получили вместе с другими девятнадцатью рабами, прилагавшимися к плантации Уаппу. Отец тогда купил еще два участка земли – этот, на Уаккамо-Ривер, и тот, что мы посещали несколько дней назад, дальше от океана, на берегах Комби. И на обоих участках в сумму сделки тоже входили рабы. «Неизбежное зло, – посетовал мне тогда отец. – Невозможно строить новый мир без живой рабочей силы». Увы, довеском к этой рабочей силе были суровые приказчики, к тому времени давно служившие на плантациях. Такие, как Старрат.

– В случае задержек в поставках или непредвиденных изменений в планах, которые мы с вами обсудили, можете писать мисс Лукас в Уаппу. – Отец достал из кармана платок и в очередной раз промокнул вспотевшие лоб и шею.

Раскаленный воздух колыхался душным маревом. И река не спасала – вместо прохладного бриза со стороны Уаккамо-Ривер накатывал солоноватыми, словно маслянистыми волнами влажный зной, еще тяжелее давивший на плечи.

Старрат удостоил меня лишь косым взглядом.

– Сэр, мне будет проще отправить письмо для пересылки Билу в Чарльз-Таун, так оно до вас быстрее доберется.

Тот факт, что он столь фамильярно помянул нашего торгового посредника Офниэля Била, вызвал у меня подозрения: стало любопытно, сколько сделок Старрат проворачивает у нас за спиной, манкируя своим служебным долгом.

– Тем не менее я бы предпочел, чтобы вы держали госпожу Лукас в курсе всего, что здесь происходит. Она будет составлять отчеты для меня.

– А у мисс Лукас в Уаппу будет какой-нибудь надежный помощник мужского пола? Скажем, приказчик, который поможет ей разобраться в деловых вопросах и, если что, приструнит негров? – Старрат снова покосился на меня подловатым взглядом.

Я внутренне подобралась.

– *Госпожа* Лукас прекрасно справится сама, уверяю вас, – резко произнес отец с нажимом на первое слово.

Старрат либо не заметил, либо проигнорировал предупреждение, прозвучавшее в его тоне.

– Однако, если не учить этих дикарей дисциплине, они того и гляди поднимут мятеж и расправятся с хозяевами. Я своих негров держу в строгости, сэр, – похвастался Старрат таким тоном, что было ясно: речь идет не о строгости, а о жестокости.

Пока он говорил, трудно было удержаться и не обернуться в сторону позорного столба.

Отец достал из карманов трубку с табакеркой. Старрат тоже приготовил трубку, и отец поделился с ним щепоткой табака. Затем они направились к небольшому очагу, в котором тлевшие с утра до вечера угли разжигали во время приготовления пищи.

– Это *мои* негры, Старрат, – жестко сказал мой отец; по

тону было ясно, что приказчик слишком далеко зашел, испытывая его терпение. Подобрал с земли пучок соломы, отец поднес его к углям. Затеплился огонек; тонким перышком заколыхался, завихрился дымок. Отец, раскуривая трубку, попыхивал табаком, пока тот не разгорелся, затем бросил пучок соломы в очаг. – Эти земли принадлежат мне. И моим детям. А ты всего лишь наемный работник у меня на жалованьи.

Атмосфера накалилась, я напряженно следила за их противостоянием.

– Я предпочитаю получать всю деловую корреспонденцию от дочери. И она прекрасно знает, как обращаться с нашими неграми, – закончил отец.

Губы Старрата скривились в усмешке, но на сей раз он хотя бы попытался это скрыть.

Направившись в сторону позорного столба, отец добавил: – Чрезмерный труд и жестокие наказания могут спровоцировать мятеж. Я не допущу ничего подобного на своих землях. Это противно моим интересам и совести.

Я уже знала, что после его отплытия на Антигуа буду не частой гостьей на этой плантации. Оставалось лишь надеяться, что на Старрата можно положиться в деловых вопросах и что от него не будет неприятностей по этой части. В тот момент у меня был выбор: открыто взглянуть ему в глаза и продемонстрировать характер или пока не связываться. Я решила, что не стоит бросать ему вызов и тем самым создавать

себе врага. Старрат внушал мне страх, и я опасалась, что он разглядит это за моей бравадой. Надо было только понять, каким поступком является мое решение не смотреть ему в лицо – трусливым или умным.

Так или иначе я продолжила невинно озирать окрестности, и мое внимание привлекли рабыни с вязанками хвороста, шагавшие к негритянскому поселку.

– О! – воскликнула я с неподдельным изумлением и отошла от папеньки. – Посмотрите на их юбки. Они такие же, как у женщин на Антигуа!

Мы все повернулись в том направлении. Рабыни, заметив, что на них смотрят, опустили глаза и заторопились к хижинам – подола мешковатых юбок из выцветшего синего полотна заплясали вокруг запыленных темных ног. Я с ужасом поняла, что невольно сделала этих женщин объектом нежелательного внимания Старрата.

Приказчик, стоявший у меня за спиной, издал противный хлюпающий звук, будто прочищал горло, и, обернувшись, я увидела, как он выпустил сквозь зубы длинную струю желтой слюны. Плевок шлепнулся на землю, а меня затошнило – не лучшее зрелище, особенно в такую жару.

– Индиго, – хрипло пояснил Старрат, кивнув на рабынь в синих юбках. – Второсортное индиго для негров. Боюсь, совсем не того качества, что вы привыкли видеть на островах. Я разрешил им посадить эти кусты в паре мест для своих нужд.

– Любопытно. И что же, можно собирать урожай? – поинтересовался мой отец.

– В достаточных для торговли количествах индиго здесь выращивать сложно, если вы об этом, сэр, – небрежно отозвался Старрат. – Многие пытались, и ничего не вышло. Почва неподходящая. Да и обработать сырье так, чтобы его можно было продавать, здешний люд не способен.

– Я слышал, французы выращивают индиго в Луизиане, – задумчиво проговорил отец. – Конечно, земли в Индиях имеют свои особенности, но говорят, Луизиана не так уж сильно отличается от наших краев по климату и почвам.

– В Луизиане не бывает заморозков, – авторитетно заметил Старрат. – Полагаю, в этом разница. – Он поскреб щеку короткими жирными пальцами с грязью под ногтями. Щетина у него росла неопрятными пучками, как шерсть у шелудивого пса.

Я кивнула в ответ на его довод:

– Вероятно, дело в этом.

После скромной трапезы, состоявшей из сыра с персиками и разделенной нами с приказчиком, мы послали за Квошем, который удалился куда-то, чтобы перекусить в одиночестве. Загрузив в повозку небольшой запас продуктов – рис

и масло – мы еще раз заручились обещанием Старрата прислать мне в Уаппу вести с плантации по меньшей мере раз в месяц и распрощались с ним.

Когда повозка уже стояла на джорджтаунском пароме, мы с отцом нашли себе местечко на деревянной скамье. Темные волны плескали в сгущающихся сумерках, ветерок сделался живительно прохладным. Папенька повернулся ко мне:

– Ну-с, что ты так напряженно обдумываешь, милая Бетси? Мне кажется, я слышу, как у тебя в голове стрекочет ветряная мельница – лопасти свистят, жернова скрипят, перемалываются зерна мыслей.

Он назвал меня Бетси – детским именем, от которого раньше мне хотелось избавиться, но сейчас, в виду нашей скорой разлуки, я почувствовала, сколько в него вложено любви.

– Мы стали производить больше смолы и дегтя для корабельных верфей, – сказала я. – Так почему бы нам не расширить посадки вечнозеленых дубов, чтобы торговать древесиной? Вечнозеленые дубы – лучший материал для кораблей, верно?

– Да, он определенно самый прочный. Но понадобится лет пятьдесят, а то и больше, чтобы деревья выросли и сгодились на спил.

– Что ж, нам нужно думать о будущем. Вы сами меня этому учили. Я хочу попросить вашего дозволения посадить вечнозеленые дубы и на других участках в Уаппу, папенька.

– Ну разумеется, – хмыкнул он. – Дозволение у тебя есть. Что-нибудь еще?

– Еще я хотела бы поговорить с мистером Дево о том, какие культуры стоило бы попробовать здесь посадить. Возможно, даже индигоносные. Хотя пока я не верю, что затея с производством индиго окажется удачной.

– Будь осторожна со Старратом, Элиза. Постарайся не превратить его в своего врага.

– Я буду осторожна, сэр. – Я помолчала. – А нельзя ли найти другого приказчика? Он такой гнусный человек. Понимаю, это будет нелегко, но...

– При всей своей гнусности Старрат знает эти земли лучше, чем кто-либо, и справляется со своими обязанностями – плантация приносит прибыль. Если мы откажемся от его услуг сейчас, это повлечет за собой одни неприятности.

– Конечно, папенька, я поняла. – Мне не хотелось создавать впечатление, что я не умею справляться с трудностями, поэтому я не стала настаивать. – Вы правы, разумеется. Спасибо, что приказали ему убрать позорный столб. Мне он очень не нравится. Вот только надо было подождать и удостовериться, что на сей раз распоряжение выполнено.

Отец понизил голос:

– Немногие люди наделены такой свободой мысли и состраданием, как ты, Элиза. Немногие понимают наши почти дружеские чувства и уважение к неграм. И в этом есть опасность.

Я крепче сжала перила парома и тихо спросила:

– Почему?

Отец уже заводил разговор со мной на эту тему в Вест-Индии, но поводом тогда был мой дорогой друг Бенуа. Мы с Беном вместе росли, были примерно одного возраста, и в раннем моем детстве родители не препятствовали этой дружбе, даже потворствовали, наблюдая за нами с интересом, не сказать с ярмарочным любопытством. Когда же маменьку это перестало забавлять, меня срочно отослали учиться в Англию, хотя лет мне было меньше, чем подобало для учения. По возвращении моем много лет спустя наша дружба с Беном возобновилась, став еще крепче, и окружающие внезапно забеспокоились. Особенно маменька. Я спорила с родителями, говорила, что невозможно просто взять и перечеркнуть детские привязанности и воспоминания. Бен был таким умным – я многое узнала от него о цветах и растениях, а он усвоил эти знания от бабушки. Именно Бену я обязана своей любовью к ботанике. Возможно, это была та самая причина, по которой мой отец так долго позволял мне общаться с Беном. «Почему нам опасно дружить с неграми? – спросила я у матери, когда мне было шесть. – Папенька же обсуждает свои важные дела с Цезарем и часто говорит мне, какой Цезарь мудрый». В ответ на свой опрометчивый вопрос я тогда получила беспощадный шлепок и лишилась ужина.

После восстания рабов в 1736 году в Вест-Индии и казни нашего обожаемого негра Цезаря – на следующий год его

сожгли на костре – мне запретили водить дружбу с Беном. Наши рабы неделями выли и стонали по ночам, оплакивая неудавшийся мятеж и его последствия, а я, только вернувшись в ту пору из Англии, дрожала в постели без сна.

Разумеется, запреты не смутили упрямую пятнадцатилетнюю девчонку. Всякий раз, как мне удавалось вырваться из-под бдительной опеки матери, я убегала в поля под предлогом, что хочу подышать свежим воздухом. А случалось это нередко из-за ее участвовавших приступов недомогания.

Мой отец был глубоко опечален и подавлен потерей Цезаря. Мне отчаянно хотелось спросить, почему он тогда не вмешался, чтобы спасти негру жизнь. Впрочем, я и сама понимала, что, как у человека на государственной службе, у него связаны руки. А тем временем Бен и сам начал меня сторониться. Между нами словно пролегла незримая граница, и я по наивности не сразу осознала, что она всегда присутствовала. Но от этого осознания мне не сделалось легче, сердечная боль не унялась. День за днем, неделя за неделей я бежала по дороге вокруг полей сахарного тростника, по тропинке между деревьями, выбиваясь из сил, к окраине участка земли, на котором всегда работал Бен, и натыкалась там на опасливый, недоверчивый взгляд. Бен смотрел на меня, как чужой. Мне здесь больше не были рады.

– Опасность исходит не от негров, дорогая моя Элиза.

Отцовский ответ на мой вопрос отвлек меня от тягостных воспоминаний.

– Не от негров, – продолжал он, – а от белых людей из города и окрестностей. Будь очень осторожна – за тобой станут наблюдать.

– Позорный столб нужно убрать в любом случае, – настойчиво повторила я. – Вы часто говорите, что о человеке можно судить по тому, как он относится к нижестоящим. – Не было смысла уточнять, что именно я в свете этого утверждения думаю о Старрате.

Отец кивнул:

– Верно. И насилие порождает насилие.

– Вы же не верите, что здесь возможно такое же восстание, как было на Антигуа? Правда, папенька?

– Я боюсь, что при малейшем намеке на возможность восстания все заведомо подозреваемые в причастности будут схвачены и повешены без суда и следствия. И не дай бог среди них окажутся те, к кому ты успеешь привязаться. Вспомни о бедном Цезаре. Наверное, ты думаешь, что я мог предотвратить то, что с ним случилось, спасти его, но поверь, это было вне моей власти. – Он откашлялся.

А я ласково положила свою ладонь на его руку:

– Знаю, папенька.

В этот момент я бросила взгляд на Квоша и видела, как напряглась его спина. Видимо, отец все-таки недостаточно понизил голос. А может, он хотел таким образом передать предупреждение. Но Квош никогда в жизни не стал бы участвовать в мятеже – в этом можно было не сомневаться. Однако

и Цезаря никто не подозревал ни в чем подобном. По крайней мере, никто из нас не верил, что он на это способен. Так или иначе, теперь мы уже никогда не узнаем, был ли он на самом деле виновен.

– Я больше не хочу никого терять, – тихо добавил отец. А потом он надолго погрузился в молчание, как бывало всегда, если речь у нас заходила о Цезаре.

Неизбежно настал день папенькиного отплытия на Антигуа. Накануне вечером мы прибыли в Чарльз-Таун, ко времени ужина. От нашей усадьбы на крутом берегу Уаппу-Крик до города было шесть миль на лодке – по отступающим волнам залива к устью широкой и коварной Эшли-Ривер. Мы обогнули полуостров и направились к гавани. Нанятую отцом пирогу приводила в движение живая сила – шестеро негров ритмично гребли; темная кожа отблескивала на солнце, собираясь в складки и туго натягиваясь с каждым взмахом весел; тяжелое дыхание заглушалось плеском волн и криками чаек.

Огромный военный корабль стоял у причала в порту, и люди сновали по трапам, занося груз на палубу и спускаясь за новым. Вероятно, на этом корабле и предстояло отплыть отцу следующим утром. Сейчас же группа рабов – несколько негров и индейцев – под предводительством белого человека подкатила к нему телегу, груженную древесиной. Они мучительно медленно поволокли телегу вверх, на корабль, по широкому пандусу; канат, за который рабы держались, казался не менее тяжелым у них в руках, чем сами бревна. Производство сахара на островах нуждалось в топливе, и древесина, поставки которой обеспечивал Старрат, была для нас важным товаром, отправлявшимся на экспорт. Мне сделалось

любопытно, останется ли на корабле к тому моменту, когда мой отец завтра поднимется на борт, свободное место для дополнительного груза, который тоже можно было бы отправить на Антигуа.

Я вздрогнула и очнулась от своих мыслей, увидев искаженные от напряжения лица рабов, тянувших телегу.

Вскоре все мое внимание захватила шумная суeta в порту, провонявшем запахом рыбы. Мы причалили и, сойдя на берег, отправились искать кучера, которого обещали прислать за нами супруги Пинкни.

Грязные, заваленные отбросами улицы Чарльз-Тауна воняли покрепче – лошадиным навозом, который основательно сопрел и настоялся на послеполуденной жаре. Эта вонь лишила нас последних сил к тому времени, как мы добрались наконец до особняка Пинкни на Юнион-стрит.

Все мы, за исключением Полли и Эсмэ, которые остались дома, сидели в повозке и хранили унылое молчание во время изнурительного путешествия в духоте под жарким солнцем. Я примолкла, потому что испытывала смешанные чувства – печаль и волнительное нетерпение по случаю грядущего папенькиного отплытия. Я знала, что стану по нему скучать, и тосковала еще больше от того, что было неизвестно, когда мы снова свидимся. Маменька пребывала в мучительной ажитации; было видно, что ее тяготит какая-то тяжесть на сердце, но я не понимала, что она испытывает – печаль, злость, обиду? Маменька сидела отвернувшись, взгляд

ее был обращен на проплывавший мимо пейзаж. Я догадывалась, что она каждую милю местного ландшафта сравнивает с зелеными лужайками и холмами Англии, и то, что открывается ее взору сейчас, не идет ни в какое сравнение с ними.

Миссис Пинкни – она никогда не представлялась своим именем Элизабет, потому я так никогда ее и не называла – тотчас, как мы приехали, захлопотала вокруг нас, увлекла в безмятежную прохладу особняка, предложила остаться у них в городе на несколько дней после папенькиного отбытия. Я охотно согласилась погостить немного, поскольку незамедлительно вернуться домой в Уаппу, зная, что мы с папенькой не увидимся, возможно, долгие годы, было бы до ужаса печально. Однако задерживаться надолго у Пинкни нам тоже не годилось – теперь на меня были возложены важные обязанности, и, по моим прикидкам, меньше, чем через неделю, нужно было ожидать прибытия лодки с нашей плантации Гарден-Хилл – мне надлежало проверить и пересчитать товар перед его отправкой торговому посреднику в город.

– Бедные вы мои, бедные... – совсем расчувствовалась миссис Пинкни чуть позже, когда мы все сидели за навощенным обеденным столом, и у ее глаз залегли ласковые, едва заметные морщинки.

Она была в платье цвета примулы; волосы покрывал белый льняной чепец. Весь ее наряд приятно гармонировал с бледно-зелеными парчовыми занавесками на окнах и вели-

колепной мебелью. На столе пламенели свечи, источая сладковатый запах мирта. Миссис Пинкни казалась прекрасным цветком на сочном лугу, тонущем в наступающих ароматных сумерках. У меня никогда в жизни не было таких платьев, а вот маменька, конечно, захватила из Лондона несколько роскошных туалетов. Мое тело потихоньку расцветало и наливалось соками, но все же при моем малом росте и субтильности сложно было бы даже взять напрокат какой-нибудь наряд с подгонкой по фигуре, потребуй того случай. Возможно, за пару лет я немного подрасту.

– Как же вы теперь будете? – продолжала миссис Пинкни. – Приезжайте ко мне в город почаще. Я представлю вас Мэри Шардон. Она недавно овдовела, но еще совсем юная, живет теперь с родителями неподалеку от вашего поместья в Уаппу. Страшно подумать, что вы, три леди, остались там одни. Чарльз, – она повернулась к мужу, – вы же будете их навещать при любой okazji?

Мистер Пинкни ласково улыбнулся жене:

– Конечно, дорогая.

Я нервно потеряла салфетку:

– Полагаю, у меня будет столько дел по управлению плантациями, что не останется времени даже на мысли об одиночестве...

– Разумеется, мы будем приезжать к вам в гости, – перебила меня маменька. – Для нас это большая честь. Элизе надобно...

Я чуть не подавилась – вероятно, она снова собралась заговорить о моем замужестве и выставить меня на рынок невест, поэтому пришлось вмешаться.

– Но при всей занятости мы с удовольствием познакомимся с соседями, – завершила я миссис Пинкни. – Я бы хотела посмотреть, что они выращивают на своих землях и насколько почвы там похожи на наши.

Оставалось надеяться, что возраст послужит оправданием моей несдержанности.

– Не найдется ли в окрестностях нашего поместья какого-нибудь достойного молодого человека? – не сдавалась маменька, и я совсем пала духом.

– Элиза получила хорошее образование, – подал голос отец, отвечая на высказанные миссис Пинкни опасения и искусно уводя беседу от темы, заданной женой. – Весь прошлый год она мне очень помогала. Теперь же она будет переписывать все деловые письма, торговые соглашения и счета, касающиеся наших плантаций, в отдельную тетрадь, и ежели впоследствии возникнут какие-либо вопросы, у нас все действия будут учтены.

– Не слишком-то подходящее времяпровождение для шестнадцатилетней девицы, – сконфуженно улыбнулась маменька нашим хозяевам, давая понять, что она не имеет отношения к этим нелепым прожекткам супруга. – Но ей придется этим заниматься, пока Джордж не достигнет надлежащего возраста.

– Ну что вы, – благодушно отозвалась миссис Пинкни. – Мы же строим здесь новое общество, и, смею сказать, нам всем придется выходить за рамки привычных ролей время от времени ради общей цели. – Она бросила взгляд на мужа. – Вы ведь всегда так говорите, Чарльз?

– Совершенно верно, дорогая.

Я с благодарностью улыбнулась миссис Пинкни.

– К тому же, – добавил Чарльз Пинкни, обращаясь к моему отцу, – всем известно, что производство и экспорт товаров на ваших плантациях уже отлажены. Элиза лишь номинально возглавит дело и будет выполнять ваши указания.

Я мгновенно вспыхнула от гнева. Мистер Пинкни перехватил мой взгляд. Его глаза лучились иронией, и вдруг почувствовалось, что он подмигнул мне. Возможно ли, что он догадался, насколько разнятся наши с маменькой представления о моем будущем? Неужто ирония была адресована ей?..

– Именно так, – кивнул мой отец. Он благоразумно умолчал о том, что я уже взяла на себя ведение домашнего хозяйства вместо маменьки, а также не упомянул, что я принимала решения о посадках растений и составляла график работ на плантации, когда он бывал слишком занят.

Миссис Пинкни ободряюще улыбнулась.

– Никто вас за это не упрекнет, полковник Лукас, – обратилась она к отцу в соответствии с его новым званием.

Я крепко сцепила руки под столом и постаралась сохранить невозмутимое выражение лица, чтобы не выдать свои

чувства. Я понимала, что своим замечанием миссис Пинкни пыталась успокоить мою маменьку, а потому неясно было, действительно ли она так считает.

Мистер Пинкни взял щепотку табака. Его темные напомаженные волосы серебрились на висках. Он был видным адвокатом в городе, приятным и весьма начитанным джентльменом и владельцем богатейшей библиотеки, куда я не упускала случая заглянуть во время каждого нашего визита. Видит Бог, наша собственная скромная библиотека в Уаппу была мною изрядно опустошена.

Мистер Пинкни раскурил трубку и, щурясь от дыма, устремил на меня ласковый взгляд темных серо-голубых глаз. Я удивилась, что они с папенькой не удалились вдвоем в его кабинет, чтобы совершить ритуал курения табака, неизменно следовавший за вечерней трапезой, в отсутствие дам.

– У меня и в мыслях не было недооценивать способности Элизы, – проговорил он, выпустив ароматный клуб дыма. – Тем более что Элиза здесь и сама может ответить за себя. Мне почему-то кажется, что ее не слишком заботят условности. Я прав, мисс Лукас?

Меня тотчас бросило в жар, и я покосилась на маменьку, которая буравила меня взглядом – вероятно, мысленно заклинала не заставлять ее краснеть. Возможно, она надеялась, что супруги Пинкни еще не поняли, насколько я отличаюсь от своих сверстниц. Или, по крайней мере, что я не дам им дополнительного повода понять. Однако они опреде-

ленно уже обо всем догадались.

– Видите ли, сэр... – Я все же приняла вызов, вопреки предостерегающему взгляду матери, а может быть, в ответ на него, и вздернула подбородок. – Если под условностями вы подразумеваете обычай, согласно которому старший ребенок в семье должен взять на себя обязанность обеспечивать благосостояние родственников в отсутствие родителя, тогда, боюсь, вы ошибаетесь, ибо я всецело с этим обычаем согласна.

У маменьки расширились глаза от ужаса.

Мистер Пинкни изящно откинулся на спинку стула, поглядывая на меня с веселым одобрением – был доволен моим ответом.

– Отлично сказано, – пробормотал папенька, заслужив тем самым насупленный взгляд от супруги.

У меня отчаянно пылали щеки, но я продолжила:

– Если же под условностями вы понимаете обычай передавать дела сыну, а не дочери, тогда вы, возможно, правы: такие условности я не считаю нужным блюсти. Кроме того, условности есть условности. По определению это не закон, а всего лишь общепринятый порядок вещей, которому люди склонны следовать бездумно, а стало быть, при определенных обстоятельствах условности дают человеку свободу действовать наиболее результативным образом. К примеру, сейчас, когда моего брата здесь нет. А я здесь.

За столом воцарилась тишина.

Я, затаив дыхание, потянулась к бокалу с вином.

– Вот именно, вы здесь, – проговорил мистер Пинкни глухим мелодичным голосом. – Вы здесь.

Маменька словно язык проглотила.

Я опустила глаза и принялась разглядывать шов на своей парчовой обеденной перчатке, отметив для себя, что он нуждается в штопке.

– У Элизы уже есть свои планы по поводу наших земель на берегах Уаппу, – бросился спасти ситуацию мой отец, но не преуспел, а наоборот, сделал только хуже. – Правда, Элиза?

– О боже... – простонала маменька и обратилась к миссис Пинкни: – Приношу свои извинения – к сожалению, мой супруг поощряет Элизу в ее дерзких не по годам устремлениях.

– А что за планы? – презрел мистер Пинкни попытку маменьки закрыть тему.

– Несколько дней назад она спросила, можно ли посадить там больше вечнозеленых дубов для производства корабельной древесины. Девочка смотрит в будущее.

– Но ведь почвы в Уаппу все равно не позволят нам расширить производство риса, – осторожно заметила я. – Тем более что мы уже наладили экспорт риса с плантациями Гарден-Хилл и Уаккамо. Мне бы очень хотелось, чтобы папенька прислал с Антигуа разные семена – любопытно будет поэкспериментировать с посевами.

– Непременно пришло, – кивнул отец. – Если война с испанцами все-таки начнется, это может плохо сказаться на на-

шем экспорте риса. Так что нам необходима альтернатива.

– А какие культуры у вас на уме, мисс Лукас? – поинтересовался мистер Пинкни.

– Я знаю, что здесь хорошо растут хлопок и люцерна. – Сказав это, я принялась вспоминать, что мне довелось видеть у нас в Вест-Индии. – Мне бы хотелось посадить имбирь и, наверное, индигоферу. Поначалу все будет довольно сумбурно, я думаю, пока мы не изучим местный климат. Говорят, прошлой зимой тут были заморозки, которых на Антигуа никогда не случалось, так что придется быть очень осторожной.

– По-моему, здесь уже многие пробовали культивировать индигоносные растения, но без особого успеха, – поддержал заведенный мной разговор мистер Пинкни. – Я сам высаживал эти кусты на своих землях в Бельмонте по наущению мистера Дево. Но, увы, они не прижились. Зато у нас есть апельсиновые деревья, мы можем поделиться с вами семенами.

– Благодарю вас. Мне бы очень хотелось побольше узнать о том, какие еще культуры у вас дают хороший урожай, – улыбнулась я. – Однако, даже если нам удастся вырастить индигоферу, нужно иметь в виду, что процесс получения красителя индиго из этого растения замысловатый и, прямо скажем, таинственный.

– А разве у индигоферы не синие цветочки? – полюбопытствовала миссис Пинкни.

Я надеялась, что хорошие манеры не позволят маменьке

упрекнуть супругу хозяина дома в том, что своим вопросом она поощряет меня продолжать эту неуместную беседу. Мне нельзя было упустить возможность разузнать побольше про индигоферу, о которой я знала малую малость от своего друга Бена.

– Вот в этом-то и заключается тайна! – воскликнула я. – Настоящее чудо! Дело в том, что лепестки цветов у индигоферы не имеют ничего общего с синим цветом, более того – сырье для изготовления красителя собирают до начала цветения. И собирать его нужно со всей поспешностью, а обрабатывать в строгом соответствии с некими правилами, иначе ничего не получится.

– Что верно, то верно, – хмыкнул отец. – Индигофера – какой-то древний сорняк. Негры, судя по всему, привезли знания об изготовлении красителя с собой из Африки. Это очень необычное ремесло. Но так или иначе, нам никогда не удавалось вырастить эти кусты в достаточном количестве даже на нашей островной плантации.

Я подумала про Бена и его бабушку.

– Секрет изготовления индиго передается у них из поколения в поколение, возможно с незапамятных времен. Чужим его не доверяют.

Миссис Пинкни вскинула брови:

– И правда, какая таинственность!

– О да, – покивала я.

– Любопытно, как же кто-то впервые догадался, что нуж-

но сделать, чтобы извлечь синий пигмент? – покачала головой миссис Пинкни. – Уму непостижимо.

– Вот именно! – подхватила я, счастливая от того, что нашелся человек, мыслящий в унисон со мной.

– Может быть, кому-то чисто случайно пришла в голову удачная мысль? – предположила она.

– Думаю, процесс получения красителя слишком уж сложен для этого, – сказала я, вспоминая, как негры на Антигуа часами размешивали листья в воде и не сводили глаз с чанов, дожидаясь нужного момента для... Для чего же? Этого я вспомнить не могла. Зато в памяти остался запах забродивших и гниющих листьев, от которого желудок готов был вывернуться наизнанку. Никому не придет в голову возиться с этим вонючим месивом «чисто случайно»...

– Что ж, – проговорил мистер Пинкни, задумчиво глядя на меня, – получение красителя – дело, может, и таинственное, но определенно прибыльное. Помнится, я где-то читал, что Лондон платит французам двести с лишним тысяч фунтов в год за индиго из их колоний.

У меня дыхание перехватило, когда я услышала эту баснословную цену.

– За какое количество индиго? – подскочила я на месте. – Скажите мне!

Мистер Пинкни воззрился на меня.

Миссис Пинкни вскинула брови.

Маменька заскрипела зубами. Мне казалось, я слышу этот

воображаемый скрип взаправду после каждого своего вопроса. Она умирала от желания извиниться за мое поведение, недостойное юной леди, но вместе с тем не хотела акцентировать на моей невоспитанности внимание.

Отец делал вид, что не замечает нравственных терзаний жены.

– О, прошу прощения, – извинилась я сама со всей поспешностью. – Маменька всегда попрекает меня за упрямство и несдержанность. Это было праздное любопытство.

– Ну разумеется, мисс Лукас. Никто иного и не подумал, – покивал мистер Пинкни. – Однако теперь, раз уж вы задали такой вопрос, мне и самому будет любопытно получить на него ответ. – И с этими словами он подмигнул мне.

Той ночью в одном из малочисленных кирпичных особняков Чарльз-Тауна я лежала в восхитительно удобной постели и никак не могла привести свои мысли в порядок. Как будто все события последних дней вели меня к одной цели. Повторяющиеся сны, чернокожие рабыни в Уаккамо, одетые в юбки цвета индиго, и то направление, которое неожиданно принял вечерний разговор за ужином, – все сложилось.

В моей душе уже разгорелось пламя нового проекта, и я знала: теперь оно не угаснет, что бы ни случилось. Я не дам

ему угаснуть.

На Антигуа я часто прогуливалась вдоль полей индигоферы, наблюдая за неграми, которые проверяли стебли и листья, поджидая нужное время для сбора урожая. Честно признаться, поначалу я приходила туда, чтобы повидаться с Беном, но потом все мои помыслы заняло индиго.

«Это древний секрет», – снова говорил перед моим мысленным взором Бен, и широкая белозубая улыбка сияла на черном лице.

Если то, что мистер Пинкни сказал про индиго, – правда, тогда производство этого красителя сможет нас спасти. Оно сможет спасти *меня*. У папеньки с маменькой уже не будет возможности всучить меня в жены какому-нибудь старику, мечтающему о наследнике. Они не осмелятся передать управление плантациями Джорджу, если я, именно я преуспею в делах и освобожу наши владения от долгов. В худшем случае это позволит мне самой выбрать жениха, если все-таки придется выйти замуж.

И сколько же времени у меня на всё про всё? Три сельскохозяйственных сезона, чтобы вырастить индигоферу. Если за этот период у меня ничего не получится, замужество останется единственным решением. И замуж я обязана буду выйти вовсе не для того, чтобы спасти семью или наши земли – богатые женихи могут подобрать себе более покладистую невесту. Мое замужество всего лишь избавит родственников от необходимости меня содержать.

Если я решусь заняться производством индиго и рассчитываю на успех, мне понадобится помощь. Нужен тот, кто знает, что делать. Негры в Уаккамо определенно владеют секретом добывания красителя. Но как преодолеть путь от площадки с жидким индиго до крупных партий товара на продажу?

Я столько времени провела на острове, замороженно наблюдая за хитроумным процессом изготовления индиго, что сам собой возник вопрос, сумеем ли мы наладить масштабное производство здесь, в Каролине. Жаль, что я уделяла этому недостаточно внимания, когда вернулась из Англии на Антигуа. Одно дело – научиться получать краситель из растения, другое – развернуть его производство для прибыльной торговли. Это две разные задачи. К примеру, я ничего не знала об условиях хранения индиго. Насколько мне было известно, у нас на острове он и вовсе долго не хранился – вроде бы стояла где-то бочка, однако я понятия не имела, влияет ли как-то на краситель длительное содержание в деревянной таре. Вспоминались мне и широкие квадратные чаны, сложенные из кирпичей – кажется, они служили только для перемешивания.

И вдруг мне в голову пришла мысль, от которой пламя в груди полыхнуло с новой силой. Нужно было поговорить с отцом, и теперь я точно знала, о чем его попросить. Только непременно надо сделать это наедине, решила я, иначе маменька все испортит.

5

На следующее утро я встала рано, как обычно, несмотря на бессонную ночь. Снизу до меня долетали звуки суеты и глухой стук – это выносили из дома папенькины дорожные сундуки. Я торопливо надела нижние юбки – Эсси, увы, не было рядом, чтобы мне помочь, – затем облачилась в платье и кое-как управилась с волосами.

Из всех домов, что мне довелось посетить в Чарльз-Тауне, особняк Пинкни был самым расчудесным. Во внутреннем убранстве почетное место занимали шелка с окрестных плантаций и дамаст, привезенный из Европы. Оставалось надеяться, что, когда супруги Пинкни приезжали к нам в гости, их чувство прекрасного не было оскорблено нашей незатейливой обстановкой. В любом случае, они были слишком хорошо воспитаны и добры, чтобы в этом признаться, в отличие от представителей лондонского светского общества, где царили совсем другие нравы и где моя матушка чувствовала себя как рыба в воде.

Я выскользнула из гостевой спальни и поспешно спустилась по лестнице. Отец стоял у открытой входной двери, наблюдая за погрузкой своего багажа.

– Полковник, сэ... – начала я деловитым тоном, сделав глубокий вдох.

Он обернулся, стоя на пороге, и занимавшийся рассвет

облил его серовато-синими отблесками ночи, отчего на секунду мне померещилось, что это призрак. В голове молнией мелькнула мысль, что, возможно, сейчас я вижу его в последний раз, и мысль эта отозвалась острой болью в сердце. Я, задохнувшись, бросилась к отцу, протягивая к нему руки. Он поймал меня в объятия и крепко прижал к себе, к грубой ткани мундира. От него пахло трубочным табаком и льняным маслом, которым обрабатывают корабельную древесину, чтобы защитить от гниения.

– Папенька... – выговорила я с трудом, потому что горло перехватило.

Он тотчас протянул мне носовой платок.

– Простите, отец, – пробормотала я, принимая платок с благодарностью.

– Мы расстаемся не навсегда, Элиза. И тебе нужно быть сильной теперь. Слышишь? Матушка очень нуждается в твоей поддержке. И Полли. И я.

Я кивнула.

– Как только Джордж закончит учебу и получит воинский чин, он вернется и примет на себя твое бремя. Нужно потерпеть несколько лет.

Я знала, что сейчас не время делиться своими мыслями на этот счет, спорить и волновать отца. У меня была тема поважнее. Я сглотнула, снова начала:

– Отец... – и замолчала, старательно подбирая слова. – Я все думаю о нашей вчерашней беседе. Об индиго. Мне бы хо-

телось попробовать заняться производством красителя. Но нам непременно нужен консультант. На Антигуа я многое запомнила, когда наблюдала за... – от меня не укрылась тревога, отразившаяся на лице отца, тем не менее я закончила: – за Беном и слушала его пояснения...

Теперь, когда прозвучало имя моего друга детства, отец, как я и ожидала, взглянул на меня с подозрением:

– К чему ты клонишь, Элиза?

– Здесь есть люди, которые знают, как получить индиго. Я могу их расспросить и чему-то научиться. Но нам нужен человек, который знает весь процесс изготовления красителя в подробностях. Мы не можем позволить себе много ошибок. – Я действительно не могла позволить себе ошибиться, потому что у меня было мало времени – скоро я окажусь на «рынке невест», а семейная недвижимость обременена долгами по милости отца, который стремится сделать военную карьеру. – Мне нужны семена, и как можно скорее, папенька. Для начала я могу одолжить их у старого мистера Дево, если таковые у него найдутся. А потом надобно...

– Довольно, Элиза, – нетерпеливо перебил меня отец.

Я в очередной раз сделала глубокий вдох и сжала кулаки, держа руки так, чтобы их не было видно в складках юбок.

– Потом надобно послать за Беном.

– Это невозможно. – Ответ отца был быстрым и неожиданным. – А даже если бы это было возможно, твоя маменька не позволила бы ему остаться. Что за блажь, Элиза? Не

нужны тебе никакие консультанты. Я верю в твои способности. Верю в тебя.

На мгновение я растерялась, все слова куда-то улетучились. На мои плечи будто обрушилось тяжеленное бремя – я понимала, что отец так сказал лишь для того, чтобы предотвратить спор, но от этого мне было не легче.

– Папенька, молю вас... – пролепетала я.

– Невозможно, – твердо повторил он.

– Возможно! – выпалила я, презрев мелькнувшее в его глазах предостережение. – Маменька поймет. Это будет благо для плантации. Для нас всех! Бен принесет нам целое состояние!

Отец глубоко вздохнул; вид у него по-прежнему был обеспокоенный.

– Это невозможно, потому что прямо перед нашим отъездом Бенуа купил плантатор, производящий индиго на острове Монтсеррат.

У меня из груди будто выбили весь воздух, сердце провалилось в пустоту. Я постаралась взять себя в руки, чтобы не выдать своих чувств. «Ох, Бен», – мелькнуло в голове.

Мне вспомнилось, как я впервые увидела его в раннем детстве. Я подумала тогда, что мы ровесники, но потом выяснилось, что он на год старше. Бен с бабушкой шел по тропинке в джунглях между хижинами рабов и полями. Бабушка останавливалась каждые несколько секунд, указывала на какое-нибудь растение и что-то поясняла внуку на своем пе-

вучем наречии, которое я не понимала. Но меня разбирало любопытство, и я шла за ними. Вдруг мальчик обернулся – увидел, что я иду следом, и уставился на меня огромными глазами. Глаза у него были такие темные, особенно в тени густой древесной листвы, что казались черными.

Он посмотрел на меня недолго и отвернулся.

А я сорвала ягоду и, размахнувшись как следует, бросила ему в спину.

Зачем я это сделала? Мне и самой было невдомек. Наверное, обиделась, что меня игнорируют.

Бен словно и не заметил.

Тогда я еще раз запустила в него ягодой. С меткостью у меня все было в порядке, я знала, что попала и что он это почувствовал. Так почему не обратил на меня внимания?!

Когда мальчик с бабушкой дошел до хижин, я остановилась, уязвленная и разочарованная. Дальше мне идти было нельзя, да и время ужина приближалось. Я подхватила юбки, помчалась к дому, и вдруг в спину мне с хлопаньем впечаталось что-то мягкое. Я взвизгнула и обернулась. Мальчик стоял на дороге позади меня с полной горстью сочных ягод. Он неторопливо взял еще одну ягоду свободной рукой и швырнул изо всех сил в мою сторону.

Прямо в меня.

Ягода смачно лопнула от удара и осталась красной кляксой на моем льняном платье. Я ошарашенно втянула воздух, полыхая глазами от гнева. Я знала, что дома меня ждут

неприятности за испачканную одежду. Такие неприятные неприятности, что у меня заранее заняло пониже поясницы.

На черном лице мальчишки вдруг расцвела ослепительная белозубая улыбка, и он запустил в меня еще одну ягоду. Я с визгом увернулась – он захохотал. Это был завораживающий смех – звенящий водопад веселья. Я принялась оглядываться в поисках ягод, увидела рядом куст и стала рвать «снаряды», уклоняясь от целого града из них, летевшего в меня. Хорошенько вооружившись, я тоже устремилась в атаку – мальчишка нырнул за дерево, и некоторое время мы с визгом и заливистым смехом играли в хитроумную войнушку с отступлениями и внезапными атаками. Играли до тех пор, пока я не рванулась пополнять боеприпасы к другому кусту. Мальчик не дал мне это сделать – в панике кинулся ко мне и толкнул, сбив с ног, а потом замотал головой из стороны в сторону.

– Ты что?! – закричала я, и только тогда увидела страх в его глазах. Мальчик показал пальцем на куст с ягодами, которые я хотела сорвать – они были очень похожи на те, что служили мне метательными ядрами, – а потом медленно провел пальцем по своей шее.

Я сглотнула, внезапно ослабев от ужаса перед тем, что могла натворить. И услышала колокольчик, созывавший нас на ужин. Вскочив, я побежала к дому, оставив мальчика одного в джунглях...

Воспоминание, к которому я не возвращалась долгие го-

ды, ожило вдруг со всеми подробностями, яркое, невероятно реальное, и сердце защемило так, что трудно стало дышать. Все это время я думала, что Бен там, на острове, и мне казалось, что так будет всегда. Мысли о нем приносили мне утешение. Я так и не поблагодарила его за то, что он спас мне жизнь, а ведь именно это он и сделал тогда.

Я перевела дыхание и задала вопрос:

– Его продали... хорошему человеку?

Брови отца сошлись на переносице, он слегка склонил голову набок.

Пришлось придумать простое обоснование своему интересу.

– Я... Мне просто не хотелось бы, чтобы знания Бена о растениях пропали втуне, – выдавила я.

– Элиза... – проговорил отец с искренним сочувствием.

Я могла сколько угодно стараться скрыть свои чувства, но он понимал, что значил для меня Бен. В отношениях отца с его Цезарем было столько уважения, что это походило на настоящую дружбу, преодолевшую границы взаимосвязи раба и хозяина. Но отец не знал, что в детстве Бен спас мне жизнь. Не знал, что Бен для меня – больше чем друг.

– Ничего, – быстро сказала я, отворачиваясь, чтобы он не заметил наворачнувшиеся мне на глаза слезы. – Я расстроена вашим отъездом, только и всего.

– Даже если бы я смог его вернуть, твоя матушка была бы против, – повторил отец то, что уже говорил, и ласково

продолжил: – Продав Бена тому человеку, я дал ему шанс обрести значимость. Тех, кто умеет делать индиго, высоко ценят.

Я кивнула, стараясь выиграть время, чтобы совладать с дыханием и голосом.

– Спасибо, – вымолвила я и собралась с мыслями. – Отец, пожалуйста, выслушайте меня. Вы ведь мне доверяете, я знаю, что доверяете, иначе не оставили бы меня здесь вести ваши дела. И вы доверили мне найти то, что будет приносить нам прибыль. Так вот, я уже нашла. Я уверена, что это индиго. Но...

– Так займись выращиванием индигоферы. Я не сомневаюсь, что ты преуспеешь без помощи Бенуа Фортюне.

Отец назвал французское прозвище, которым я сама наградила когда-то своего друга детства – Бенуа Фортюне, Бен Счастличик. Наверное, тем самым он хотел меня задобрить.

– Если вы все же увидите Бена, возможно, вам удастся выкупить его у того человека на Монтсеррате... – Мне показалось, что отец смягчился, и я хотела воспользоваться этой последней возможностью, но ошиблась.

– Довольно, Элиза! – рявкнул он, и в его глазах были злость и разочарование.

Я сдалась перед этой вспышкой гнева. В ушах у меня шумело от унижения, отцовского окрика и гулких ударов собственного сердца. Я закусила губу, проклиная себя за глупость. Взрослого разговора, на который я рассчитывала, не

получилось. Надо было просто попросить нанять мне консультанта, мастера индиго, а не умолять его вернуть Бена. Ведь знала же я, что на это нет никаких шансов. Глаза у меня щипало, щеки горели от стыда.

– Элиза... – Теперь голос отца звучал устало и снова ласково, будто он извинялся. – Не уверен, что ты должна брать на себя всю эту ответственность...

Я вскинула на него глаза, открыла было рот, чтобы возразить, но он взял меня за руки:

– Давай не будем торопиться. Я сказал твоей матушке, что вы в любой момент можете обратиться к супругам Пинкни – они помогут нанять управляющего, если станет тяжело.

– Нет, отец. – Я постаралась унять дрожь в голосе, но не вышло. – Я справлюсь, клянусь вам. Я позабочусь о том, чтобы вы никогда не пожалели о своем решении. Более того, я сумею выполнить возложенные на меня обязанности лучше, чем кто-либо из тех, кем вы могли бы меня заменить.

«Даже лучше, чем мой брат Джордж», – могла бы добавить я, но промолчала. Возможно, это был мой единственный шанс доказать отцу, что я способна на нечто большее, чем быть женой кого бы то ни было. Не исключено, что когда-нибудь я захочу выйти замуж. Когда-нибудь, но не сейчас. Да и в конце-то концов, что плохого в том, чтобы быть старой девой?

Отец, словно прочитав мои мысли по поводу неприятия замужества, продолжил:

– Кстати, кое в чем ты ошиблась. Возможно, в Лондоне мужчины предпочитают брать в жены легкомысленных пухлячек. Но здесь другой мир, и от тех, кто хочет в нем жить, нужны другие качества. Любой мужчина будет счастлив жениться на такой образованной и трудолюбивой леди, как ты, чтобы вместе строить свое будущее.

Я сглотнула, услышав эту чудесную сказку из уст отца. И я была бы счастлива в этой сказке когда-нибудь очутиться, но маменька всегда, при всяком удобном случае, помогала мне избавляться от иллюзий, поэтому я видела всю наивность папеньки и лишь улыбнулась в ответ:

– Что ж, досточтимый отец, тогда я должна выразить вам глубочайшую признательность за то, что вы дали мне образование. О более ценном подарке я не могла бы и мечтать.

– «Образование – истинный источник чести и добродетели», – процитировал он, словно прочитал слова, вставшие перед мысленным взором.

– Так сказал кто-то из греков?

– Разумеется. Это был Плутарх. Мне нравится твое своеволие и упрямство, Бетси. – Он усмехнулся, и было видно, что напряжение потихоньку его отпускает. – Но боюсь, я взрастил в тебе слишком большие амбиции. И проявлял слишком много снисходительности. Как бы ты не навлекла на себя беду.

Я смиренно потупила взор:

– Обещаю, что никогда не опозорю ваше имя, сэр.

6

На следующий день, по сравнению с вечером нашего приезда, суеты в порту Чарльз-Тауна прибавилось. Последний багаж срочно поднимали на палубу огромного военного корабля, который должен был унести прочь моего отца. Тюки и сундуки с добром опасно покачивались в натруженных руках носильщиков; матросы суетились, как муравьи, на массивной посудине, их выкрики вплетались в многоголосье рыбаков, спозаранку споривших с торговцами рыбой.

Было время прилива, и волны подбирались к набережной. С началом отлива военный корабль должен был отправиться в путь. Сейчас отец покинул нас ненадолго – осмотреть свою каюту и поговорить с капитаном, а мы с матерью терпеливо ждали на стене форта, когда он вернется, чтобы попрощаться.

– Следи за сумочкой, Элиза, чтобы завязки не болтались, – проворчала маменька, заметив, что я поглощена суетой внизу, на причале порта. Голос ее, как всегда, звучал утомленно. Этим утром она была бледнее обычного, и я не сомневалась, что после обеда она сразу поднимется к себе в спальню прилечь и не покажется до вечера.

– Да, маменька.

Я с восторженным любопытством наблюдала за группой индейцев – мужчины в кожаных штанах и с голыми торса-

ми пререкались с купцом из-за рыбы и оленьих шкур, принесенных ими на продажу. Раньше я ни разу не видела обнаженного мужского тела – наши негры неизменно носили рубахи. Я знала лишь, что грудь у мужчин такая же, как у нас, только плоская, но сейчас, хоть они и были довольно далеко, видела все линии их фигур и мускулы, ходившие под кожей, как у крепких жеребцов.

– Элиза!

Я отвернулась, чувствуя, как у меня пылают щеки.

– Простите, маменька. Они такие дикие. Неужто никто не научил их шить рубахи? – Я хихикнула и тут же закашлялась под взглядом матери, которая смотрела на меня, бесстрастно поджав губы.

– Скоро начнется отлив. Мне пора подниматься на борт, – раздался позади голос отца, шагавшего к нам.

Мать становилась все бледнее и бледнее, хотя со временем жара усиливалась. Она болезненно щурилась на солнце.

– Опять голова разболелась, маменька? – спросила я, и мы с отцом осторожно отвели ее к скудному клочку тени от портовой стены.

– Больше медлить нельзя, давайте прощаться. – Отец шагнул ко мне, и я ответила ему крепким объятием.

– Не беспокойтесь, папенька. – У меня перехватило горло. Я вдохнула соленый портовый воздух, закашлялась и поспешно заставила себя отстраниться, потому что мне очень хотелось прижаться к отцу еще крепче и взмолиться, чтобы

он не уезжал. – Я позабочусь о маменьке, о Полли и о ваших делах, – пообещала я, с трудом сглотнув.

У него заблестели глаза от слез, и меня покинули остатки самообладания.

– Я знаю, Элиза, ты обо всем позаботишься. Как же мне повезло, что у меня такая толковая дочка. – Он ласково провел пальцем по моей щеке, взгляделся в глаза, склонив голову набок, а потом кивнул, словно довольный тем, что увидел, и повернулся к маменьке.

Я, стараясь не расплескать наворачнувшиеся на глаза слезы, торопливо отошла в сторонку, чтобы оставить родителей наедине.

Вскоре корабль с моим отцом на борту вышел в открытое море.

Мы не провели в городе и суток, а мне уже не терпелось вернуться домой в Уаппу-Крик. Я считала недопустимым пренебрегать своими набросками и музицированием, а еще скучала по напевам рабов, трудившихся в полях, и по птичьему разноголосию у меня за окном с первыми лучами зари. Цокот копыт и перебранки горожан я не находила приятным музыкальным сопровождением.

Но более всего мне хотелось навеститься в гости к Эндрю

Дево, чтобы посоветоваться с ним, какое из индигоносных растений лучше взять для первых экспериментов, и попросить семян. Кроме того, надо было расспросить наших рабов на предмет хоть каких-то знаний о получении индиго, а если окажется, что в этом деле никто из них не сведущ, послать с той же целью кого-нибудь на плантации Гарден-Хилл и Уак-камо.

Задача была мне ясна, и я сгорала от нетерпения приступить к действиям.

Ведь тогда у меня едва ли останется время скучать по отцу.

Мы отправились домой следующим утром на пироге. Паруса белели в бухте и маячили на горизонте, но большой военный корабль давно исчез из виду. Соленый ветер бесновался на волнах и завывал на все лады. Маменька на обратном пути была так же мрачна, как и по дороге в порт, когда мы плыли провожать отца. Только на сей раз она не молчала.

– Твой отец будет отсутствовать не меньше года, надо полагать. И все это время нам нужно привлекать к себе поменьше внимания, посему хорошо бы умерить твой пыл. Будем почаще навещать в город к миссис Пинкни, особенно когда приедет ее племянница.

– Обещаю сопровождать вас, когда смогу, маменька, – твердо сказала я, – но у меня будет очень много дел. Вы ведь знаете, насколько островные плантации нуждаются в древесине? Должно быть, вы видели, как бревна загружали в трюмы кораблей в порту. Древесина совершенно необходима для производства сахара. Мне надо будет объехать наши плантации и выяснить, можно ли еще что-нибудь отправить на Антигуа.

– Конечно, дорогая, – поддакнула маменька.

– Думаю, нам удастся удвоить объем древесины на экспорт. Когда мы с папенькой ездили в Гарден-Хилл, я...

– Довольно, Элиза. Я не хочу обсуждать дела. Делай то, что от тебя требуется, только немедленно избавься от своего честолюбивого тона – это некрасиво и недостойно юной леди.

– Честолюбие, по-вашему, некрасиво и недостойно? Кто бы мог подумать, что именно вы, маменька, позволите себе осуждать честолюбие. Ваши надежды по поводу меня и моего будущего замужества куда более честолюбивы, чем мое стремление помочь папеньке. – Кровь гудела у меня в ушах, настолько я разволновалась от того, что осмелилась говорить с ней в таком духе. Я сглотнула – с трудом, но очень решительно.

Мать смотрела на меня округлившимися от изумления глазами:

– Что это на тебя нашло, Элиза? Однако, что-то новень-

кое...

– Да неужели, маменька? – Я отвела взор, а затем и вовсе отвернулась всем телом и принялась созерцать топкие берега, проплывавшие мимо. Все мои члены свело от напряжения; я гадала, почему Господь создал меня полной противоположностью матери. Отчего мы такие разные? Разные до смешного. Но желания смеяться у меня не было.

– Найти мужа, а для этого явить себя в лучшем свете жениху из приличной семьи – задача чрезвычайной важности, – изрекла она. – И дело тут не в честолюбии, боюсь, а в жизненной необходимости.

Мы свернули в просторный залив, и впереди показался наш уютный дом. «Только не для меня», – хотелось мне ответить маменьке.

– А если ты еще не заметила, – добавила она, – в этом раскаленном захолустье не так уж много приличных семей.

Вдалеке я увидела Квоша – он уже ждал нас на маленьком деревянном причале. Вести о приближающихся лодках всегда прибывают первыми – у детишек рабов зоркие глаза, и они любят смотреть на море. На веранде дома мелькнуло что-то светлое – наверное, Эсмэ усадила там Полли с корзинкой для рукоделия. Послеполуденный бриз принес запах крабов и устриц; в траве у берега бродили длинноногие птицы – лакомились креветками.

– Господи боже, – выдохнула маменька, когда мы приблизились к причалу.

– Что с вами? – обернулась я.

– Об этом-то я и не подумала... – пробормотала она. – Боже, какая нелепость. Я ведь никогда...

– Маменька, – устало сказала я, – что стряслось?

– Видишь ли, я никогда еще не выходила из лодки без мужской помощи. Твой папенька... – Она осеклась.

Я нахмурилась, ибо прекрасно помнила, что мы и раньше не раз совершали короткие прогулки на пироге без отца.

– У вас получится, маменька. Всего один шагок. Я вам помогу.

– Конечно. – Она достала квадратный шелковый платочек и промокнула глаза. – Конечно. Право слово, как глупо. Но такие вот мелочи заставляют осознать величину потери.

– Мы вовсе не потеряли его, маменька. – Я постаралась изобразить ободряющую улыбку.

– О, разумеется, Элиза. Я вовсе не об этом. – Она издала драматический вздох. – Просто представила себе целую череду перемен и неурядиц, которые нас ждут теперь, когда его нет рядом.

Пожалуй, раньше мне ни разу не приходило в голову, насколько маменька зависима от супруга. Была ли это истинная любовь? Я не знала. Однако определение «глубокая привязанность» здесь несомненно годилось.

Но не только маменьке предстояло чувствовать себя одинокой без моего отца в ближайшие долгие месяцы. Мне тоже. Более того, у меня не будет рядом никого, с кем я смогла

бы поделиться своими успехами или разочарованиями в собственных трудах, ведь почти со всеми делами мне придется управляться самостоятельно. Ясно было, что с матерью их лучше и вовсе не обсуждать. Ее удар хватит, если она узнает, что я просила отца прислать Бена к нам в Южную Каролину, или найдет книги по юриспруденции, прихваченные мною из библиотеки мистера Пинкни. Книги эти сейчас стыдливо прятались в кофре с одеждой – я его затолкала под скамейку, на которой сидела.

– Понимаю, маменька. Оттого я была ужасно рада услышать о миссис Шардон и ее родителях. Подумать только, они живут так близко от нас! Надо бы нам нанести им визит на следующей неделе. Может быть, во вторник? Вероятно, даже стоит выделить для подобных визитов особый день – это поможет нам отчасти упорядочить свою жизнь.

– Весьма разумно, Элиза. – Мать явно была довольна смежной темой. – Миссис Шардон вдовствует, так что наверняка обрадуется нашей компании. Очень хорошо. Я уже в предвкушении!

Проводив ее до двери спальни и пообщавшись с Полли после разлуки, я направилась в кабинет отца, чтобы приступить к ознакомлению с его бумагами. Он показал мне, где лежат приходно-расходные книги, и я провела несколько часов, разбираясь в счетах, а также изучая все, что выращивается и производится на наших плантациях.

После этого я написала два послания: одно мистеру Дево,

другое отцу.

Цокот копыт нашей лошади и дребезжание повозки никак нельзя было назвать тихими, однако едва ли эти звуки разлетались на мили вокруг. Тем не менее, когда мы свернули на прямую подъездную аллею, которая вела к скромной усадьбе мистера Дево, тот уже стоял у крыльца, поджидая нас, – его долговязую фигуру видно было издалека, и он тоже не спускал с нас приветливого взгляда.

Сегодня я взяла с собой Полли, отменив ее уроки. Скажи ей, что она должна заниматься ботаникой в мое отсутствие, сестричка закатила бы истерику. Так что сейчас она сидела рядом со мной в повозке и без умолку щебетала всю дорогу – задавала вопросы, на которые не ждала ответов, потому что ее внимание мгновенно переключалось на какую-нибудь новую мысль или птичью трель.

– Ой, если он подогнет одну ногу, будет похож на болотную цаплю. Точь-в-точь! – захихикала Полли, тоже приметив в конце аллеи хозяина усадьбы.

Мистер Дево, худощавый джентльмен с усами и бакенбардами, всегда ходил с бледно-желтой тросточкой из слоновой кости – однажды он сказал мне, что это подарок от вождя одного африканского племени. В Африке мистер Дево недолгое время работал агентом Вест-Индской компании. Сегодня тросточка опять была при нем; он стоял, опираясь на нее и

слегка клонясь на правый бок; одежда мешком висела на тощем, словно бы птичьем теле. Силуэт четко вырисовывался на фоне особняка с беленым фасадом.

Я слегка склонила голову и улыбнулась, когда мы подошли к нему. Глаза пожилого джентльмена тоже прищурились в улыбке.

– Из-за вас я чувствую себя важной особой, сэр, – пожурела я его. – Сколько раз я умоляла вас дожидаться нас в доме, но вы всегда выходите на солнцепек встречать гостей.

– Как же это – дожидаться в доме? И лишить свои старческие очи улады созерцать подольше сей источник света и жизненных сил, каковым является мисс Элиза Лукас?

От его негромкого смеха у меня потеплело на сердце.

– Вы, как всегда, мне льстите, мистер Дево, – охотно рассмеялась я в ответ и с благодарностью оперлась на протянутую мне сухопарую длань, осторожно спускаясь из экипажа. Затем обернулась, чтобы помочь Полли. – И вовсе ваши очи не старческие. Помните мою сестрицу?

– А, Полли! Самая юная мисс Лукас!

Полли сделала книксен и подергала меня за юбку:

– Можно я пойду с Квошем к лошадам, Лиза?

– Нет, детка. Сегодня ты пойдешь со мной.

– Ну пожалуйста! – взмолилась она.

Мистер Дево взглянул на нее с высоты своего роста:

– Мисс Полли, а известно ли вам что-нибудь о «макаро-ни»?

Сестра неуверенно покосилась на меня. Я лишь вскинула брови и пожала плечами, ибо сама не знала, что это за зверь.

– Нет, сэр, – помотала головой Полли и спросила с опаской: – Это птичка или растение?

Мистер Дево расхохотался:

– Ни то, ни другое, голубушка! Позвольте-ка, спрошу иначе: кабы вам довелось полакомиться взбитым облачком, сдобренным радугой, каково бы, по-вашему, оно было на вкус?

У Полли округлились глаза, и у меня, надо признаться, тоже.

– Так это, стало быть, лакомство? – выдохнула она восхищенно.

– Давайте войдем в дом и проверим.

Я велела Квошу вернуться за нами через два часа и последовала за мистером Дево – Полли, как рыбка-прилипала, болталась у него на руке.

– Чему обязан приятностью визита, мисс Элиза? – осведомился любезный хозяин усадьбы, когда мы расселись в гостиной на креслах, обитых поблекшей от времени парчой – мебель мистеру Дево досталась от его предков-гугенотов.

В комнате пахло эвкалиптом и розмарином – служанка мистера Дево развешивала пучки засушенных листьев и трав на стропилах, чтобы отгонять насекомых. У нас в доме для этого Эсмэ была отведена кухня, поскольку у маменьки от ароматов болела голова.

– Семена дубов еще не взошли? – спросил мистер Дево, когда мы покончили с шутками-прибаутками и обсуждением местных новостей.

– О, взошли. Я в точности следовала вашим указаниям, изложенным в письме. Рассада стоит у меня на окне с солнечной стороны, каждое утро обильно поливаю ее водой, и уже показались маленькие зеленые росточки. Чистейший восторг! – Я рассмеялась. – Опять же, в соответствии с вашими указаниями, скоро пересажу их на грядку. Однако сегодня я приехала расспросить вас об индигоносных растениях, из которых получают краситель.

Он вскинул седую кустистую бровь:

– Да что вы? Право слово, я пытался выращивать вайду, конечно, но боюсь, что производство красителя в достаточных объемах не будет стоить затраченных усилий.

У меня екнуло сердце:

– Стало быть, вы знаете, как получить краситель?

– Признаться, я нахожу процесс его получения довольно замысловатым, не сказать – утомительным делом.

– А когда мы будем есть облачко, сдобренное радугой? – не утерпев, вмешалась Полли в наш разговор. При этом она осуждающе смотрела на меня, как будто по моей милости ее обманули.

– Все в свое время, голубушка, – сказал мистер Дево.

Как раз в этот момент вошла служанка – низенькая и пухлая темнокожая женщина в холстяном мешковатом платье

и белом муслиновом платке, повязанном вокруг головы. У нее в руках был поднос, который она водрузила на низкий столик перед нами.

– Ах, Летти печет это печенье по рецепту моей бабушки, который та привезла с собой из Парижа, – сообщил нам мистер Дево. – Однако сдается мне, Летти там кое-что усовершенствовала.

Служанка, которая, вероятно, и была искусницей Летти, поспешила к выходу из гостиной, пряча улыбку.

– Позвольте мне, – остановила я мистера Дево, который наклонился было, чтобы разлить чай по чашкам. – Полли, ну как, попробуешь таинственные «макарони»? – Я указала ей на блюдо с целой горой круглого печенья, похожего на безе, но на вид более воздушного и к тому же разноцветного – оно было разложено рядами от салатного-зеленого до розового, а сверху лежали несколько печенек цвета белоснежной рисовой муки.

Полли восторженно захлопала в ладоши.

– Не думаю, что вест-индское индиго получают из вайды, – вернулась я к нашему с мистером Дево разговору. – У вайды слишком узкие листья, и тонкие черенки с соцветиями из маленьких лепестков растут тоже как листья, по обеим сторонам стебля.

Мистер Дево потер подбородок:

– Полагаю, для получения синего пигмента в Вест-Индии используют индигоферу красильную, которую еще называют

настоящим индиго. Несколько лет назад я и сам пробовал ее выращивать. Купил тогда семена у одного торговца в городе...

Я кивнула:

– Совершенно согласна по поводу индигоферы, я видела много таких кустов на Антигуа, когда мы там жили. Они растут буйно, как сорная трава или подлесок. И глядя на них, невозможно догадаться, что из этого растения можно получить синюю краску. В них нет совсем ничего синего!

– Вы правы. Я слышал о белом индиго – это бесцветное вещество добывают из индигоферы, а потом оно становится синим. Извлечение белого индиго – невероятно сложный процесс.

– Я видела это! – взволнованно воскликнула я, живо вспомнив свое детство. – Когда открывают бочку, жидкость в ней становится темно-синей прямо у вас на глазах.

– Как в сказке, – прокомментировала Полли. Она только что дожевала третий «макарон», и вокруг ротика еще розовели крошки, но слушала девочка очень внимательно, округлив глаза от изумления.

«Ага! – обрадовалась я. – Может, эту непоседу наконец-то увлечет ботаника», – и улыбнулась сестре:

– Вот именно, Полли. В этом есть что-то от алхимии, какое-то волшебство, Божий промысел или дыхание ангелов.

– А мы сможем вырастить эти волшебные кустики, Лиза? – спросила Полли.

– Мы попробуем, детка.

Полли нахмурилась:

– А как ты добудешь из них волшебство?

– Пожалуй, вам понадобится консультант, – задумчиво покивал мистер Дево. – Если, конечно, индигофера приживется. Ее здесь многие пытались разводить, знаете ли, не только я. И никто не добился особых успехов. Кроме того, краситель вам нужно будет еще и фасовать для продажи.

– Знаю, – отозвалась я, стараясь не поддаваться разочарованию. И снова пожалела о том, что не убедила папеньку нанять консультанта – любого мастера индиго, кого угодно, вместо того чтобы настаивать на возвращении Бена. Впрочем, если учитывать папенькины расходы на военную службу, это было бы для нас в любом случае непозволительной роскошью. – Что делать с готовым красителем, мне еще предстоит обдумать. Пока же надо начинать с начала... – Я взглянула на мистера Дево.

– Боюсь, тут я могу помочь вам только семенами вайды. Вест-индской индигоферы у меня нет. Я покупал ее семена, но они оказались бесполезными – дали всего несколько ростков. Да и если кусты все-таки вырастут, они и года не протянут, так что вам не будет от них никакого проку.

– Но вы сказали, что в вайде тоже есть индиго, – напомнила Полли, и я прониклась благодарностью к сестричке, которая явно была не меньше моего очарована волшебными кустами, по крайней мере пока что.

– К сожалению, в вайде его не так уж много. Вернее, настолько мало, что ради него не стоит и стараться. Чтобы наладить торговлю красителем, придется выращивать и обрабатывать огромное количество таких растений.

Теперь Полли тоже выглядела разочарованной, но я не собиралась сдаваться.

– Возможно, есть смысл попрактиковаться на вайде – отработать на ней процесс изготовления красителя, пока мы будем ждать семян индигоферы с острова Антигуа от папеньки. – По правде говоря, я в первом же письме попросила его прислать семена. – Вы знаете, когда нужно засеять индигоносные растения? – спросила я у хозяина усадьбы, а сама тем временем уже принялась мысленно составлять список наших рабов, которые могли бы обладать какими-то знаниями об индиго. Необходимо было наведаться в Уаккамо и потолковать со Старратом о тех негритянках в синих юбках, которых я видела во время нашего с папенькой визита на плантацию. Однако при мысли о встрече с мерзким и жестоким приказчиком меня слегка зазнобило.

– Что ж, полагаю, как и большинство растений, их можно засеять в любое время года, кроме холодного. Можете посадить семена хоть сейчас. Если для них нужен какой-то особый сезон или определенные условия, мне об этом неизвестно.

– И мне, – призналась я, пытаюсь вспомнить, в какие месяцы индигоферы засевали на Антигуа. Если я правильно пом-

нила, на острове это делали даже дважды в год. И кустам нужны были дожди, много дождей, что и неудивительно.

Полли увидела за окном Квоша, и ее внимание, до сих пор поглощенное нашим разговором, тотчас переключилось. Теперь она ерзала на стуле, болтая ножками, обутыми в кожаные дорожные башмачки.

– Полли, если тебе так уж хочется пойти посмотреть, что делает Квош, тогда иди, я разрешаю. Но не испачкай платье и не убегай далеко, чтобы услышать, когда я тебя позову. Мы с мистером Дево пока допьем чай и сходим за семенами в его зернохранилище.

– Спасибо! – взвизгнула Полли и устремила к выходу скорее бегом, чем быстрым шагом. – Благодарю за облачные штучки, мистер Дево, – спохватилась она на пороге и чинно добавила: – Чаепитие с вами было наиприятнейшим времяпрепровождением. – Она сделала книксен и умчалась.

– Да уж, с этой пигалицей вам, должно быть, скучать не приходится, – рассмеялся мистер Дево.

Я улыбнулась в ответ и отпила чаю.

Позднее, на обратном пути домой в тряском экипаже, пока низкое солнце плескало на нас теплым золотистым светом сквозь листву деревьев, Полли быстро заснула, прижавшись

ко мне. Я ласково перебирала пальцами ее шелковистые локоны. Сегодня мы пропустили утренние уроки, и я собиралась по дороге заняться с ней чтением, даже взяла с собой книгу, но было жалко будить малышку.

Мы обе умастились на козлах рядом с Квошем. Теперь, когда папеньки не было рядом, я решила занять его место и обнаружила, что путешествие на переднем сиденье менее мучительно для моего желудка. Родители, конечно, сочли бы такое мое поведение возмутительным.

Квош, как всегда, помалкивал. Он следил за дорогой и при необходимости предупреждал нас о выбоинах на своем своеобразном английском, но в остальных случаях, в соответствии с положением раба, никогда не заговаривал первым и открывал рот, только когда к нему обращались.

За год, прожитый нами в Южной Каролине, Квош сделался совершенно незаменимым. Я вдруг снова подумала о том, что будет, если ему в голову придет сбежать от нас или прикнуть к мятежникам. Что мне тогда делать без его помощи? Придется нанять какого-нибудь ужасного приказчика вроде Старрата, чтобы он распорядился делами в Уаппу. Других людей, способных, как Квош, править лошадьми, решать хозяйственные дела и быть посредником между мной и рабами, здесь не было.

– Квоши... – окликнула я.

Он вздрогнул, словно его застали врасплох.

– Прости, я не хотела тебя испугать, – улыбнулась я.

– Да, хозяйка, – отозвался он, не отрывая взгляда от дороги перед нашей гнедой лошастью.

– Я подумала, надо бы проверить, не нуждаются ли в починке жилища рабов в Уаппу.

Мне показалось, он слегка дернул головой, словно хотел посмотреть на меня – не обманываю ли. Затем кивнул.

– Как считаешь, у тебя найдется время этим заняться? Я хочу, чтобы там все было приведено в порядок. Дай мне знать, сколько помощников тебе нужно и сколько бревен, к примеру, – я пошлю в Гарден-Хилл или в Уаккамо за всеми необходимыми материалами.

– Спасибо, миз Лукас. Может, Сони и Того мне в помощь. И Питер.

Я с одобрением отметила про себя, что он выбрал трех наших самых крепких и сноровистых работников. А поскольку урожай на плантации уже собрали, самое время было заняться ремонтом.

– Хочу, чтобы зимой тут все были в тепле и безопасности. Только пусть не забывают о прополке, – добавила я.

Квош кивнул и, поколебавшись немного, осмелился уточнить:

– Вы сказали «пошлю за бревнами», слышал я? Вы посылайте, только так, вам не надо самой ехать в Уаккамо без отца.

Я покосилась на него. Квоша я, разумеется, взяла бы с собой в поездку на другую плантацию. Квош умеет держаться

в стороне от неприятностей, но если бы я решила навеститься в Уаккамо, ему это умение могло бы не пригодиться. Не исключено, что ему пришлось бы меня защищать. По той или иной причине.

Я тяжело сглотнула. Осознание того, с какими реальными угрозами я могу столкнуться в отсутствие отца, отозвалось неприятным холодком под ложечкой.

– Конечно, Квош. Я кого-нибудь пошлю.

Стало быть, мне придется найти другой способ расспросить тех рабынь про их синие юбки.

Повозка бодро погромыхивала на поворотах. Я надеялась, что заходящее солнце позволит воздуху немного охладиться, но вместо этого он словно загустел и теперь кишел комарами. Эсси перед нашим отъездом из Уаппу настояла на том, чтобы мы с Полли намазали открытые участки кожи розмариновым и лимонным маслами, и теперь оставалось уповать на то, что это снадобье защитит нас от укусов.

– Квош, ты не знаешь, в какое время года лучше сажать индигоносные растения?

– Нет, миз Лукас.

– Что ж. Может, кто-то из женщин в Уаккамо про это слышал. Поспрашиваешь у них?

Он кивнул.

– Спасибо, Квош. Что бы мы без тебя делали...

Эти слова вырвались у меня сами собой, и я вдруг почувствовала неловкость. Благодарить человека за помощь,

при том что у него нет выбора, помогать тебе или нет, – какая нелепица! Я каждый день говорила «спасибо» прислуге. И Эсси. Выражала признательность, не задумываясь. Но сейчас мне это показалось вопиющим недоразумением. Как можно благодарить тех, кто не вправе тебе отказать?..

Мои слова висели в воздухе дохлыми рыбами, пока я сидела с открытым ртом, не зная, что еще сказать.

– Хорошо, что ваша семья приплыла сюда жить на плантации, миз Лукас. – Голос Квоша прозвучал тихо и скрипуче, как колеса повозки.

Я закрыла рот. Потом кивнула и быстро заморгала. Но к счастью, он в это время смотрел на дорогу впереди.

8

На протяжении следующих нескольких недель мы с Квошем, когда тот не был занят ремонтными работами, искали и расчищали участки земли, где можно было бы посеять вайду, семена которой дал мне мистер Дево, а также немного имбиря. Еще мне хотелось расширить посадки люцерны.

Я отрядила Того, Индейца Питера и Сони вспахать землю на расчищенных участках и удобрить ее, чтобы все было готово к посеву.

Вырубить сливовые деревья мы не могли, разумеется, поэтому я решила ограничиться длинной узкой полосой земли, которая тянулась с заднего двора нашего дома от берега в глубь материка.

Я написала Старрату послание с просьбой предоставить Квошу древесину для ремонтных работ и каждый день проверяла самодельный почтовый ящик – корзину, которую мы повесили на причале, – всё ждала, что кто-нибудь с проходящей лодки бросит туда письмо или посылку с семенами от отца, которые он обещал прислать мне с Антигуа. Но время шло, и мы в конце концов посадили покамест вайду.

Квош съездил в Уаккамо и привез бревна, доски, инструменты, необходимые для починки жилищ рабов, а заодно назвал мне имя негритянки, обладавшей знаниями об индиго, – ее звали Сара. Когда наступит время сбора урожая вай-

ды, она приедет и покажет мне, как добывать краситель. А пока мы ждали весточки от отца, Квош, Индеец Питер, Со-ни и Того трудились вовсю, починяя крыши и прохудившиеся стены хижин, перекладывали брус и заделывали трещины известью. Пока шли ремонтные работы, я также велела им построить целиком еще одно здание, которое будет служить лазаретом. Идею я позаимствовала у Пинкни и у Фенвиков, которые обустроили такое местечко у себя на Джонс-Айленд, чтобы при необходимости можно было изолировать больных и пресечь распространение заразных недугов. Эсси сказала, что лазарет очень пригодится и для рожениц.

Погоды стояли засушливые, дождей было меньше обычного, однако через несколько недель люцерна и имбирь уже дали всходы.

Наступил конец августа, а ростки вайды и не думали показываться из-под земли, и посылка с семенами от отца всё не прибывала. Чувство, что время проходит впустую, становилось с каждым днем невыносимее и преследовало меня неотступно. Я то и дело мысленно зывала к Бену, гадая, что бы он сказал. Может, мы посадили вайду слишком рано? Или слишком поздно? Или почва оказалась для нее негодной? Я представляла себе, как незримо следуя за ним по полям индигоферы, которые он обходит дозором. Сейчас Бен уже должен выглядеть, как мужчина. Он всегда был выше меня, а теперь я рядом с ним, наверное, покажусь коротышкой...

Я пригласила мистера Дево осмотреть наши поля с новы-

ми посадками, и он, заметив, что участок расположен слишком высоко, поэтому земля там в недостаточной степени напityвается влагой, сказал, что семена, возможно, нуждаются в двойном поливе. В первый раз их нужно поливать перед рассветом, чтобы вода впиталась и дневная жара не успела выпарить влагу. Я поручила это Того – теперь ему надлежало поливать участок с вайдой и еще несметное число овощей и трав, которые мы посадили на сильно разросшемся огороде. Олени очень обрадовались такому неожиданному подарку, в результате нам пришлось сделать деревянное ограждение – получился обширный сад, где рабы тоже могли обрабатывать свои грядки, не опасаясь за урожай.

Маменька, несмотря на свирепый августовский зной, который слегка умерил свое буйство лишь с приходом сентября, чувствовала себя довольно сносно. Однако дел у меня было по горло, так что светскую жизнь мы почти забросили, откликнулись лишь на несколько приглашений от супругов Пинкни и других соседских семейств. Ездили к Вудвордам и к их вдовствующей дочери Мэри Шардон, о которой мне говорила миссис Пинкни; Мэри сразу же внушила мне симпатию.

При папеньке мы старались все вместе посещать церковь хотя бы дважды в месяц, и я решила, что надо бы нам в ближайшее воскресенье там побывать. До белостенной церкви прихода Святого Андрея было миль пять пути от побережья. Приход возглавлял его преподобие Ги, милейший человек,

который увещевал прихожан не пропускать службы добрым словом, вместо того чтобы сурово стыдить тех, кто порой отсутствовал. Для себя я решила, что это будет неплохая возможность познакомиться с местными плантаторами. Так или иначе, до церкви прихода Святого Андрея добираться нам было не так долго, как до города, где находился собор Святого Филиппа.

Воскресное утро в начале сентября выдалось прохладным и ясным. Я проснулась, как всегда, в пять, наскоро умылась и поприветствовала Эсмэ, увидев, что та появилась на пороге:

– Доброе утро, Эсси.

Она кивнула:

– Утро доброе, дитя.

Темные глаза ее смотрели сумрачно, хотя обычно Эсси – источник света и уюта. Она умеет проскользнуть в комнату и оставаться незаметной, где-то на грани твоих ощущений, словно и нет ее вовсе, до тех пор пока она тебе не понадобится. Я так привыкла к этому ее свойству, что уже не могла без нее обходиться.

– Все хорошо? – не выдержала я, когда Эсси помогала мне одеться, затягивая многочисленные тесемки. – Ты кажешься какой-то озабоченной.

– Вещие сны, – отозвалась она. – Духи приходили. И в воздухе нынче витает угроза. Если пойдешь к реке, будь осторожна, слышишь меня? – Эсси оторвала несколько лепестков розмарина, растерла их между бледными подушечками черных пальцев и провела руками по моим волосам и шее.

Я нахмурилась, однако же ничего не сказала, ибо давно привыкла к ее суевериям. Эсси часто болтала о черных воронах, падающих звездах и вещих снах, но при этом она молилась моему Богу. Выглянув из окна, я удостоверилась, что всё вокруг выглядит точно так же, как в любое утро в предрассветной дымке.

Тем не менее, когда я вышла из дома, оказалось, что предупреждение Эсси накрепко засело у меня в голове. Я направилась к воде проверить «почтовый ящик». Письма редко кто доверял незнакомцам, находившимся в Чарльз-Тауне проездом, но мало ли что...

Поблизости от причала я замедлила шаг, глядя на другой берег залива. Там все тонуло в предрассветной темени и в безмятежном покое. Я ступила на скрипучий настил и поспешно проверила корзину – та оказалась пуста. Передо мной простиралась спокойная сероватая водная гладь; тишину нарушало только зудение комаров. Нет, не только... Я замерла, напрягая слух.

Барабаны.

Откуда-то доносился низкий размеренный барабанный бой.

У меня по спине пробежал холодок.

Я стояла не шелохнувшись. Отдаленный бой барабанов звучал приглушенно и угрожающе, это не было похоже ни на что из слышанного мною ранее – армейские барабаны звучат иначе. А в этих ударах было что-то потустороннее. «Племенные тамтамы!» – осенило меня, и внутри все похолодело. Сразу возник вопрос: индейцы или черные рабы?

Появилось ощущение, что за мной наблюдают. Поднялся ветер, смял гладкую угольно-черную поверхность воды, раздался многоголосый оглушительный клекот – в воздух взмыла стая диких гусей. Этот клекот привел меня в чувство, и я поспешила обратно к дому. На плантации вокруг было так тихо, что мне сделалось не по себе. Где Того, который должен, пока не рассвело, полить грядки, как я ему велела? Где звуки просыпающейся деревеньки рабов, утренний шум, болтовня? Даже птицы сегодня примолкли.

Я повернула к конюшне. Квош наверняка знает, что происходит. Сейчас он, без сомнения, помогает Индейцу Питеру запрягать лошадей, готовит экипаж для нашей сегодняшней поездки в церковь. И даже если Квоша там еще нет, Индеец Питер, который живет при лошадях, к этому часу уже встал, так что я никого не потревожу...

В полумраке конюшни лошади тихонько пофыркивали, перед ними стояли полные бадьи воды, и овес был засыпан

в кормушки. Дверь на чердак оказалась плотно затворена, приставная лестница валялась на полу. Я, пятясь, медленно вышла наружу, краем глаза заметила Эсси, торопливо шагавшую от господского дома к жилищам рабов, и развернулась.

– Эсси!

Она остановилась, когда я бросилась бежать к ней.

– Что происходит?! – Голос у меня охрип от страха и волнения.

– Ты идешь в дом и ни за что не выходишь оттуда, пока не станет безопасно вокруг, слышишь меня?

– Как? Почему? Что стряслось?!

– Здесь, в доме, вам безопасно.

– Что происходит, Эсси? Где Квош? – Паника росла, я озиралась и видела закрытые двери в хижинах рабов, наглухо закрытые ставни. – Где все?!

– Посмотрим, где все будут в конце дня, – загадочно сказала Эсси. – Иди в дом сейчас же.

Я воззрилась на нее во все глаза.

– Иди, – свирепо повторила Эсси. – Надо спрятаться. Слышишь меня?

«Спрятаться? Я должна спрятаться, когда мои люди в опасности?» – мелькнула мысль.

– От кого, Эсси?

Она покачала головой.

Так или иначе, у меня не было причин не верить ей.

– Остальным ничего не угрожает?

Эсси покосилась в сторону устья реки и ничего не ответила.

– Если мне надо спрятаться, то и вам тоже, – сказала я под гулкие удары собственного сердца. – Вам всем нужно спрятаться. Если я кого-нибудь из вас увижу на берегу, тоже выйду из дома. Ты слышишь меня, Эсси? Это моя земля, и я обязана ее защищать.

– Все спрячутся, – пообещала она. – А теперь иди.

Совершенно сбитая с толку, я повернулась и заспешила к дому. Всю дорогу, пока не взбежала на крыльцо и не заперла за собой дверь, я чувствовала спиной ее взгляд.

Маменька еще лежала в постели, но сверху до меня доносились шаги Полли. Я торопливо направилась в отцовский кабинет и открыла стоявший в углу армуар с изысканной резьбой – оружейный шкаф. Отец научил меня стрелять, еще когда мы жили на Антигуа, но мне это занятие никогда не нравилось. Мушкет был на месте, стоял в армуаре, прислоненный дулом к задней стенке. Я смотрела на него, стараясь унять тяжелое, участившееся дыхание. А потом затворила дверцу, не прикоснувшись к оружию. Что ж, если возникнет насущная необходимость, я знаю, где его взять.

В доме и окрестностях все было тихо. Уже рассвело, на-

стало утро. Я сообщила маменьке и перепуганной Полли, что нам надобно оставаться в доме, пока я не разберусь, что затевается снаружи. Заперла все двери, затем отнесла им на второй этаж немного сыра, нарезанные яблоки и остатки хлеба.

Барабанная дробь, почти не слышная в доме, вдруг и во все смолкла, словно по волшебству, и я гадала, сколько продлится наше добровольное заточение. Мне нужны были ответы.

Незадолго до полудня опять загрохотали вдали барабаны, их звук приблизился. Я поспешила к окну на втором этаже и увидела, как по заливу медленно скользит пирога. В ней сидели люди. Темные фигуры. Негры, не индейцы.

Так что же все-таки происходит?..

Маменька предпочла остаться в постели, но Полли уже прибежала ко мне, забросив свою вышивку, села рядом на подоконник и вцепилась в мою руку. Я затаила дыхание – гребцы подняли весла, и пирога замедлила ход. Взоры сидевших в ней людей были обращены в сторону нашей плантации.

– Не двигайся, – шепнула я Полли. Впрочем, в этом предупреждении не было нужды – мы обе словно окаменели.

Высокий чернокожий человек выпрямился в лодке во весь рост и поднес руки ко рту. Резкий клекот, похожий на ястребиный, разорвал тишину, рассыпался эхом.

Мы с Полли были недвижимы, как статуи.

Высокий человек ждал и смотрел.

Ни на лужайке под нами, ни в зарослях вокруг не возникло никакого движения, насколько мне было видно.

Стояла полная тишина.

Барабаны, которые, как я теперь поняла, были у людей в пироге, тоже молчали.

Наконец, спустя несколько нескончаемых минут, высокий человек отвернулся от нас и сел на скамью. Шесть пар рук снова взялись за весла. Раздался барабанный бой. Он смолкал по мере того, как пирога удалялась от нас в сторону устья Стоно-Ривер.

Тишина окутала дом и окрестные земли. Теперь ничто ее не нарушало. Я считала удары собственного сердца, пока все мое существо охватывало чувство глубочайшего облегчения. Нечто подобное испытываешь, когда весь день ходишь в тесной одежде, не обращая на это внимания и не замечая, как накапливаются в теле гнет и напряжение, а потом снимаешь ее перед сном – и прохладный воздух объемлет кожу, и лишь тогда осознаешь, как было тяжело, и вдруг сразу становится легче дышать.

Не знаю, как долго мы просидели у окна. Мой взгляд блуждал по деревьям на другой стороне залива. Каждая тень настораживала и вызывала вопросы, а тусклое предвечернее солнце не давало ответов, выхватывая из полумрака своими лучами лишь стволы деревьев и кустов.

И вдруг я увидела, как от дерева на берегу отделился темный силуэт. Я перевела дыхание, заморгала, удивленная, что

не заметила его раньше. Это был Квош. Его голая грудь была вымазана илом и грязью, уже высохшими и застывшими серовато-зеленой коркой. «Отличная маскировка», – подумала я. На поясе у Квоша висел длинный серп для жатвы риса. Мулат смотрел некоторое время на реку в том направлении, куда уплыла пирога, затем повернулся ко мне спиной и зашагал к причалу. Я беззвучно охнула. Раньше мне еще не доводилось видеть Квоша без рубахи. Его спина была исчерчена неровными толстыми рубцами, превратившими кожу в кривое лоскутное одеяло. Он опустился на колени у кромки воды и принялся что-то смывать со сваи причала. Наконец, удовлетворенный своей работой, он встал, плавной поступью скользнул к деревьям и исчез.

Меня отвлек громкий всхлип – Полли, оцепеневшая от страха, рыдала, по нежным щечкам катились крупные слезы.

– О, детка, все будет хорошо, – пробормотала я, пытаюсь унять отчаянно колотившееся сердце. Мне и самой не помешало бы сейчас услышать от кого-нибудь эти ободряющие слова.

Я обняла сестренку, притянув ее к себе; шелковистые кудряшки защекотали мне нос. Поверх головы Полли я увидела маменьку – та застыла на пороге моей спальни, прислонившись к дверному косяку, словно у нее не хватало сил стоять. Она была все еще в ночной сорочке; волосы, заплетенные в длинную косу, были перекинuty вперед через плечо и свисали, как канат.

– Это были индейцы?

– Нет, маменька, – выговорила я едва слышно – голос у меня куда-то пропал.

– Будь проклят твой отец за то, что бросил нас на этой дикой земле без защиты, – прошипела она. – Какого дьявола там творится?

Рыдания Полли перешли в тихие всхлипы, но тельце еще слегка подрагивало в моих объятиях.

– Думаю, это очередной бунт, – сказала я наконец. – Уверена, вскоре мы всё узнаем.

На слове «бунт» Полли ощутимо вздрогнула.

– Стало быть, мы потеряли своих негров, – фыркнула маменька. – Это будет уроком для твоего отца.

– Нет, – покачала я головой, подумав о Квоше у причала. – Мне кажется... По-моему, Квош и Эсси каким-то образом нас защитили. И я не видела, чтобы кто-то из наших людей ушел.

Маменька недоверчиво усмехнулась и покачала головой:

– Твои речи с каждым днем все больше походят на отцовские.

– Сочту это за комплимент, – ответила я спокойно, решив, что не стоит ей сильно перечить.

Действительно ли это был бунт? Все же бунт я себе представляла иначе – воображение рисовало мне неистовые сцены – бегущих и кричащих людей, грохот мушкетных выстрелов, огни пожаров. Однако при всем спокойствии, царившем

во время прибытия пироги, воздух, казалось, дрожал и гудел от нависшей над нами опасности. И я чувствовала, что мы каким-то чудом избежали жестокой участи.

В жилищах рабов на плантации Уаппу двери и окна оставались закрытыми наглухо весь день и всю ночь, и все это время там было непривычно тихо – не было слышно ни песен, ни звонких голосов детишек Мэри-Энн и Нэнни.

Маменька, Полли и я обшарили всю кухню в поисках съестного и в итоге соорудили себе на скорую руку ужин из кукурузных лепешек, яблок и вяленой оленины. Управиться с приготовлением пищи мне было, конечно, несложно, но я не переставала надеяться, что Эсси или Мэри-Энн вот-вот вернутся в дом. Но они не вернулись той ночью. Так или иначе, я не сомневалась, что Эсси придет к нам, как только сочтет, что это будет безопасно для всех.

Маменька решила, что самое время открыть бутылку мадейры, поскольку едва ли кому-то из нас этой ночью легко удастся заснуть. И впервые я была ей благодарна за разумный поступок.

По негласному соглашению мы зажгли совсем мало свечей, укладываясь спать, чтобы окна дома не было видно во тьме безлунной ночи. Полли свернулась клубочком у меня

под боком; ее маленькое тельце было горячим, как печка; локоны касались моей щеки. Я лежала и ждала, когда эта нескончаемая ночь сменится рассветом.

Мне не давали покоя тревожные мысли о судьбе знакомых плантаторов. Удалось ли спастись мистеру Дево и Вудвордам от разбушевавшегося вокруг безумия?

Пробудилась я очень рано от скорбных песнопений, похожих на заунывный вой. Из-за этих зловещих звуков, долетавших от хижин рабов, и воспоминаний о точно таком же утре на Антигуа несколько лет назад, я оставалась в кровати дольше обычного. А когда наконец решилась встать, выяснилось, что все опять пошло своим чередом – на плантации закипела жизнь, будто и не останавливалась.

Первое, что я сделала, – спустилась в кабинет отца и написала короткое послание Вудвордам, пригласив их нанести нам визит в этот же день. Я очень надеялась, что они не пострадали.

Вудворды и их дочь Мэри жили в скромном, беленом известью деревянном особняке на таком же, как у нас, участке земли, примерно в миле дальше по побережью. Мэри вернулась к родителям после смерти своего престарелого супруга.

Было ясно, что в обозримом будущем мне не удастся вытащить маменьку с плантации куда бы то ни было, так что придется приглашать соседей в гости. В тот день у меня то и дело возникало ощущение, что весь вчерашний кошмар мне привиделся.

Это было мое первое испытание в качестве управляющей плантациями, и я сама себе не могла ответить на вопрос, удалось ли мне его выдержать. Можно ли мне считать благополучное разрешение ситуации своим успехом, или же это было чистое везение?

Однако в глубине души я не сомневалась, что моя первая догадка верна – вчера нас защитили. Это не помешало мне задуматься о том, насколько мы уязвимы – три белые леди, одни в чужих краях.

В полдень к нам прискакал Чарльз Пинкни верхом на коне.

Не могу не признаться – я испытала радость от того, что кто-то потрудился проверить, все ли у нас в порядке. И разумеется, нам не терпелось услышать новости.

Маменька, Полли и я вышли его встречать на раскаленный солнцем двор. У крыльца позади нас сбились в кучку Эсси, Мэри-Энн и Нэнни, чтобы узнать вести из первых уст и затем пересказать их другим рабам.

– Какое облегчение! – крикнул мистер Пинкни, резко осадив коня так, что тот взвился на дыбы. – Слава богу, вы целы и невредимы!

Конь хрипло дышал, бока его, ходившие ходуном, блестели от пота. Квош принял у гостя поводья. Индейца Питера нигде не было видно.

– Я скакал без остановки из самого Бельмонта, – сказал мистер Пинкни, спешившись. Он приехал в простой одежде для верховой езды; волосы были небрежно перехвачены на затылке. – У меня недобрые вести. Был бунт.

Маменька ахнула.

– Я так и думала, – кивнула я мистеру Пинкни и наклонилась к Полли: – Беги в дом и помоги Эсси приготовить чай для нашего гостя.

Полли недовольно надула губки, но в следующий миг бросилась выполнять мою просьбу.

– Мы премного благодарны за ваш визит, сэр. Рада сообщить, что с нами все хорошо. Однако же перепугались мы изрядно.

Мистер Пинкни нахмурился:

– Значит, мятежники были здесь?

– На реке. К дому не приближались.

– Любопытно. Вам чрезвычайно повезло, однако. Я рад, что моя помощь не требуется.

Мы обменялись улыбками.

– Идемте в дом, – вмешалась маменька. – Нам не терпится услышать ваш рассказ со всеми подробностями.

Через пару часов несколько наших соседей, в том числе мистер Дево, миссис Вудворд и Мэри, собрались у нас в гостиной. Мистер Вудворд был в Чарльз-Тауне по делам, но, вероятно, уже спешил домой, если слышал новости.

Эсси и Мэри-Энн всё приготовили для душевного после-полуденного чаепития, и я рассказала гостям о том, что видела и слышала накануне.

– События вчерашнего дня возымеют далеко идущие последствия, – сказал мистер Пинкни.

Я мысленно взмолилась, чтобы эти так называемые «последствия» не послужили поводом для нового бунта.

– Два десятка рабов вчера утром вооружились и отправились в поход по плантациям. Их численность росла по мере продвижения. Несколько усадеб были сожжены. Несколько плантаторов убиты. По счастью, никто из тех, кто знаком мне лично, не пострадал.

По комнате прокатился вздох. При мысли о том, насколько близки мы были к смерти, у меня по спине пробежал холодок.

Чарльз Пинкни обвел нас печальным взглядом:

– Многие уцелели лишь потому, что были на воскресной службе в церкви, полагаю.

– Бунт подавлен? – спросила миссис Вудворд. – Или мятежники еще на свободе?

– Из верных источников мне известно, что бунт был подавлен вчера вечером, и к тому моменту, как все закончилось, многие расстались с жизнью. Говорят, испанцы обещали дать беглым рабам убежище в форте Святого Августина.

– Убежище? – переспросила я.

Он покачал головой:

– Думаю, это уловка, лживый посул. Вероятнее всего, испанцы сами возьмут в рабство тех, кто к ним придет, и сделают их солдатами.

– Очень похоже на правду, – кивнул мистер Дево. – Я слышал, что испанцы намерены использовать индейцев и негров

в войне против нас. Они хотят уничтожить Южную Каролину.

Мэри ахнула. Сейчас ее глаза на побледневшем лице казались огромными.

И я тоже оцепенела от страха.

Маменька трагически заломила руки.

– Спаси и сохрани нас всех Господь, – прошептала миссис Вудворд.

Я покосилась на Эсмэ, стоявшую с непроницаемым выражением лица в углу гостиной у дверей в ожидании указаний.

– Маменька, – сказала я, – быть может, Эсси пора проводить вас наверх? День сегодня был утомительный сверх меры.

– Нет, отчего же, – возразила на словах маменька, но при этом взялась за подлокотники с намерением подняться с кресла.

Мистер Пинкни и мистер Дево одновременно вскочили, чтобы ей помочь, но Дево, находившийся ближе, успел первым. Я взглянула на мистера Пинкни с глубочайшей признательностью за его присутствие, испытав странное двойственное чувство – успокоение и вместе с тем безмерное одиночество.

Когда маменька попрощалась с гостями и удалилась наверх, мистер Пинкни перехватил мой взгляд.

– Вы пересчитали своих рабов? – спросил он. – Я не видел Индейца Питера возле конюшни. И вам стоит послать то же

указание в Уаккамо и в Гарден-Хилл. Власти требуют полные списки.

– Зачем? – спросила я сдавленным голосом.

Мистер Пинкни едва заметно вздрогнул, в его серо-голубых глазах отразилось волнение.

– Чтобы начать... *охоту* на беглецов.

Я невольно прижала руку ко рту.

Мистер Дево тем временем вернулся на свое кресло.

– А как иначе преподать урок остальным рабам? – проворчал он, усаживаясь.

– Вы имеете в виду, что мятежников казнят? – спросила Мэри.

Мистер Дево развел руками.

– Но это слишком жестоко, – выговорила я, совладав с собой.

Мэри и ее мать закивали, мистер Дево тоже кивнул.

– Кроме того, – не удержалась я, – кто из рабов не поддается на посулы и откажется от обещанной ему свободы?

– Ваши отказались, – заметила Мэри.

– Да. Да, они отказались. При том что мятежники проплывали здесь, мимо нашей плантации, по Уаппу-Крик в направлении устья Стоно-Ривер. Я считаю, нам невероятно повезло. – Я не стала упоминать про Индейца Питера и не ответила на вопрос Чарльза Пинкни, пересчитаны ли наши рабы. Признаюсь, я не ведала, примкнул ли Питер к бунтовщикам, но я точно не хотела, чтобы на него охотились, как на

зверя. Мои люди защитили меня прошлым днем, и теперь я обязана была встать на их защиту.

Нам действительно повезло вчера. В следующий раз удача может от нас отвернуться.

И снова я ощутила всю тяжесть бремени, которое взвалила на свои плечи ради отца.

– Что ж, час уже поздний, – встрепелась миссис Вудворд. – Возможно, нынче, когда на дорогах столько отрядов ополчения, путешествовать будет безопасно и в ночи, но я очень устала за день, потому мы откланяемся.

– Да-да, – сказал, вставая, мистер Дево. – Я провожу вас до плантации и тоже поеду домой.

Чарльзу Пинкни до своей усадьбы добираться было куда дольше, чем Вудвордам и Дево.

– Вам не стоит ехать в Бельмонт так поздно, – сказала я ему. – Оставайтесь у нас. Я велю Эсси приготовить комнату для гостей.

– Премного вам благодарен, – склонил голову Чарльз Пинкни. – Кто знает, миновала ли опасность.

Я проводила гостей, уведомила Эсси с Мэри-Энн, что один из них заночует у нас, и вернулась к мистеру Пинкни, ожидавшему меня в отцовском кабинете. «Он папенькин ро-

весник», – напомнила я себе, когда меня охватило странное чувство наедине с ним.

– Могу я предложить вам португальского вина? – осведомилась я, поведя рукой в сторону подноса с графином и бокалами. – Мы откупорили бутылку мадейры прошлым вечером.

– Благодарю вас, с удовольствием. – Три широких шага – и он оказался возле серванта. Подровнял бокалы, взял бутылку и вопросительно посмотрел на меня.

– Нет, я не буду, спасибо.

Налив себе мадейры, мистер Пинкни покосился на армуар в углу кабинета.

– У вас здесь есть какое-нибудь оружие для защиты?

Я тоже взглянула на дверцу, которая была слегка приоткрыта – видимо, я недостаточно плотно затворила ее, после того как вчера в панике хотела достать мушкет. Я подошла к шкафу и закрыла дверцу.

– Да, есть. Будем надеяться, мне не придется им воспользоваться, хотя папенька позаботился о том, чтобы я научилась стрелять. Однако же я предпочла бы посвятить себя земледелию, а не огнестрельному оружию.

– И то верно. Я слышал, Дево расспрашивал вас о каких-то всходах.

– Да, он дал нам семена вайды на пробу. Но, увы, ничего получилось. – У меня невольно поникли плечи. – Теперь вот не знаю, что и делать...

Мистер Пинкни поднес к губам хрустальный бокал и сделал глоток янтарной жидкости.

– Можно попробовать посадить другие культуры. Не стоит унывать.

– Согласна. Однако... – начала я и замолчала. Вдруг подумалось: отчего мне так легко и приятно разговаривать с мистером Пинкни?

– Что-то подсказывает мне, на уме у вас не только выращивание индигоносных растений, мисс Лукас.

– Вам ведь, должно быть, и так известно, что папенька предоставил мне все полномочия.

– Да. – Он наконец поправил шейный платок, сбившийся во время бешеной скачки сюда и с тех пор пребывавший в небрежении. – И для меня в этом нет ничего удивительного. Вы и раньше распорядились домашним хозяйством, то есть были фактически хозяйкой усадьбы. Ваша матушка чудесная женщина, однако для нее новые обязанности были бы весьма обременительны и даже неподъемны, тогда как вы отлично справляетесь. Я сказал бы, ваш отец сделал вполне обоснованный выбор.

– Маменька непременно справилась бы лучше меня, если бы не ее недомогание. – Это была откровенная ложь, но я почувствовала необходимость встать на ее защиту. – Она себя плохо чувствует, особенно в жару. Последние несколько недель зной стоял невыносимый.

– Да, верно. И при всем при том вы хотите меня убедить,

что все ваши помыслы заняты только индиго?

– Я... Я знаю, что на папенькино продвижение по службе, на его стремление стать полковником, а теперь уж, возможно, и губернатором Антигуа, ушли все наши свободные средства. Я изучила его счета... – Тут я замолчала, ожидая, что мистер Пинкни выразит удивление моей деловой хваткой или тем, что я позволяю себе обсуждать с ним столь приватные вопросы, однако, к чести этого джентльмена, обнаружила, что на лице его отражается лишь интерес к моим речам, поэтому продолжила: – Не думаю, что наше текущее финансовое положение поможет папеньке в осуществлении его замыслов. Возможно, остатков средств хватит, но едва-едва. А это значит, что...

– Что у вас не будет приданого, если только вы не найдете способ извлекать из своих земель больше доходов, чем нынче, – закончил он за меня.

Приданое меня заботило менее всего, но я не стала его разубеждать, а вместо этого нервно хихикнула:

– Вот именно. Я подумала, можно заняться производством индиго. Но отец еще должен прислать семена индигоферы.

– Поэтому пока вы засеяли вайду. Смею заметить, ее уже пробовали тут выращивать, и никто не преуспел. Говорят, почвы неподходящие. Однако меня восхищает ваша решимость, – качнул головой мистер Пинкни. – Таких, как вы, нельзя недооценивать. Вы упорны в своих устремлениях и

весьма изобретательны. Уверен, в скором времени вас ждет успех.

Индеец Питер вернулся через несколько дней после того, как был подавлен мятеж. Появился он так же внезапно, как исчез. Я не заявляла о его бегстве и не требовала у него отчета о том, где он пропадал. Квош доверял ему, а стало быть, и я. Все было просто.

Мы условились с миссис Вудворд и Мэри о еженедельных визитах друг к другу в гости. Такой установленный распорядок помогал вытаскивать маменьку из дома и разнообразил монотонное течение зимних дней, а вскоре я обнаружила, что ожидаю каждого визита с нетерпением – оказывается, изголодалась по общению с кем-нибудь, кроме маменьки и Полли.

По вторникам в гостиной Вудвордов три пары проворных рук отдавали должное всем видам шитья и вышивания, создавая изысканные, преизящные вещицы. Четвертая пара рук все делала вкривь да вкось, ибо взор мой большую часть времени был обращен за окно – я наблюдала за рабами Вудвордов, трудившимися на плантации, и прикидывала, что бы еще посадить на наших землях.

С каждым днем, неделей и месяцем становилось всё прохладнее. Прибрежная трава побурела, ночи сделались длиннее, зато днем теперь погоды стояли сносные.

По мере приближения к зиме слабел страх перед очередным бунтом. Недавние мятежники были пойманы и казнены. Ходили слухи, будто их отрубленные головы, насаженные на пики, выставили вдоль главных дорог в окрестностях Чарльз-Тауна. Мистер Пинкни однажды подтвердил, что так оно и было – он своими глазами видел эту тошнотворную макабрическую картину, и я почувствовала облегчение от того, что не донесла на Индейца Питера ни во время, ни после мятежа.

Каждый день между рассветом и закатом я старалась проводить под открытым небом побольше времени, насколько позволяла работа с письмами и счетами. Я изучала окрестности, наблюдала за погодными условиями, чтобы знать, к чему готовиться следующей осенью; радовалась дождям, потому что они увлажняли и питали мои земли; зачарованно любовалась, как у вьющихся кустарников, облепивших закорузные ветви вечнозеленых дубов, после хорошего ливня меняется цвет листьев – от рыжеватого оттенка обожженной глины до сочного зеленого. Мистер Дево называл такие растения «фениксами». За моим окном гнездились пересмеш-

НИКИ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.